



РОБЕРТ ФРОСТ

СТИХИ

ПЕРЕВОДЫ АЛЕКСАНДРА ШИКА

**РОБЕРТ
ФРОСТ**

СТИХИ

ПЕРЕВОДЫ АЛЕКСАНДРА ШИКА

Киев
Друкарский двор Олега Фёдорова
2022

УДК 821.161.1'06(73)-14
Ф92

Ф92 Стихи / Роберт Фрост ; пер. с англ.
А. Шик. — К. : Друкарский двор Олега Фё-
дорова, 2022. — 176 с.

ISBN 978-617-8000-80-6

На каждой странице вы будете
встречаться с поэзией в русских и
английских одеждах и сможете сами
убедиться в справедливости мысли
Мартина Хайдеггера, что «язык
должен постоянно являться в им самим
производимом сиянии».

УДК 821.161.1'06(73)-14

Доктор наук, профессор, автор множества ста-
тей и книг по физике твёрдого тела и нанoeлектро-
нике. И вдруг — поэтические переводы Фроста,
Киплинга, Сервиса, Йейтса, Нэша, Лэмпмана. Так у
Александра Шика осуществилось, по выражению
Альфреда Нобеля, «реализованное человеком право
на самовыражение».

Абсолютное совпадение перевода с оригиналом
недостижимо, но столько копий поломано в этих спо-
рах, что важнее: тождество размера, формы или ор-
ганическое родство смыслов? И конца этим дискус-
сиям не предвидится. По собственному впечатлению
признаюсь, сделать это не всегда легко:

«Но я и сам влюбиться рад
в простую ясность ноября».

Это Александр Шик или Роберт Фрост? Полагаю,
что оба.

Или:

«Возникло чувство словно я родня
С тем, кто прошёл по лугу до меня».

Конечно, Александр Шик участвует в этой поле-
мике, и его позицию вы узнаете и оцените, прочитав
книгу. К тому же всегда можно свериться с оригина-
лом на соседней странице.

Приглашая к чтению этой книги, добавлю: на ка-
ждой странице вы будете встречаться с поэзией в
русских и английских одеждах и сможете сами убе-
диться в справедливости мысли Мартина Хайдегге-
ра, что «язык должен постоянно являться в им са-
мим производимом сиянии».

© Шик А.,
перевод, 2022
© Фёдоров О. Н.,
издатель, 2022

ISBN 978-617-8000-80-6

*Александр Амчиславский
Торонто-2021*

ИЗ КНИГИ
«ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ»

ДОМ-ПРИЗРАК

Живу я в доме, которого нет,
Который исчез уже много лет,
А сохранился только подвал,
Где свет просочившийся придавал
Стеблям малины пурпурный цвет.

На дряхлый забор виноград залез,
На бывший покос наступает лес,
У старых яблонь, где дятлов стук,
Новых побегов стебли растут,
А путь к колодцу в траве исчез.

Смотрю со странной болью в душе
Как рухнули стены, фундамент замшел.
Над колеями, что в мир вели,
Где жабы когда-то купались в пыли,
Ночами стрелы летучих мышей.

Издаেকে козодой запел,
Замолк и ближе перелетел,
И приближаясь, будет опять
Песню нехитрую повторять,
Пока не выскажет все что хотел.

На летнем небе — звезд хоровод.
Соседи мои — молчаливый народ.
Листва над плитами зелена,
Мох мешаает читать имена,
Но кто их по имени назовет?

Они работали без выходных.
Вот девушка с парнем — муж иль жених?
Без песен, в труде текли их года...
Я думаю, может живи я тогда,
Я был бы хорошим соседом для них.

FROM THE BOOK
“A BOY’S WILL”

GHOST HOUSE

I dwell in a lonely house I know
That vanished many a summer ago,
And left no trace but the cellar walls,
And a cellar in which the daylight falls,
And the purple-stemmed wild raspberries grow.

O'er ruined fences the grape-vines shield
The woods come back to the mowing field;
The orchard tree has grown one copse
Of new wood and old where the woodpecker chops;
The footpath down to the well is healed.

I dwell with a strangely aching heart
In that vanished abode there far apart
On that disused and forgotten road
That has no dust-bath now for the toad.
Night comes; the black bats tumble and dart;

The whippoorwill is coming to shout
And hush and cluck and flutter about:
I hear him begin far enough away
Full many a time to say his say
Before he arrives to say it out.

It is under the small, dim, summer star.
I know not who these mute folk are
Who share the unlit place with me—
Those stones out under the low-limbed tree
Doubtless bear names that the mosses mar.

They are tireless folk, but slow and sad,
Though two, close-keeping, are lass and lad,—
With none among them that ever sings,
And yet, in view of how many things,
As sweet companions as might be had.

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Моя печаль, когда ты здесь,
То для тебя и в мрак, и в дождь
Дни ноября полны чудес,
Ты любишь тихий, голый лес,
По выцветшим лугам бредешь.

Ты изменила мой досуг,
Я слушаю твои слова.
Ты рада бегству птиц на юг
И серебром сверкнувшей вдруг
Росе на ткани рукава,

И обнаженному кусту,
И тучам над обрезаем крыш,
И одинокому листу...
Ты любишь эту красоту
И слепотой меня коришь.

Но я и сам влюбиться рад
В простую ясность ноября,
И, поджидая снегопад,
Побыть с твоей душою в лад,
Тебе о том не говоря.

MY NOVEMBER GUEST

My Sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walked the sodden pasture lane.

Her pleasure will not let me stay.
She talks and I am fain to list:
She's glad the birds are gone away,
She's glad her simple worsted gray
Is silver now with clinging mist.

The desolate, deserted trees,
The faded earth, the heavy sky,
The beauties she so truly sees,
She thinks I have no eye for these,
And vexes me for reason why.

Not yesterday I learned to know
The love of bare November days
Before the coming of the snow,
But it were vain to tell her so,
And they are better for her praise.

В ДОЛИНЕ

В долине жил я со школьных лет.
Туман ночами звенел в тиши
И бледный девичий силуэт,
Как мотылек, на оконный свет
Скользил по тропке сквозь камыши.

Какие здесь были цветы весной!
Своя у каждого красота
И тихий голос, у каждого свой,
Влетал в окно, шевелил листвою.
Вставало все на свои места,

Но ночью туман наплывал опять
И голоса набирали вес,
Пытаясь тайны свои рассказать
Тому одиночке, кто хочет знать
Как утром звезды уходят с небес.

И как, в росе промолив бока,
Они возвращаются в тот исток,
Где птица в полет не ушла пока,
Еще не раскрылся бутон цветка
И были едины птенец и росток.

Мне столько знаний ветер принес
Про запах цветов, про пение птиц.
Задайте об этом любой вопрос...
Нет, я недаром в долине рос
И слушал ночь, не смыкая ресниц.

IN A VALE

When I was young, we dwelt in a vale
By a misty fen that rang all night,
And thus it was the maidens pale
I knew so well, whose garments trail
Across the reeds to a window light.

The fen had every kind of bloom,
And for every kind there was a face,
And a voice that has sounded in my room
Across the sill from the outer gloom.
Each came singly unto her place,

But all came every night with the mist;
And often they brought so much to say
Of things of moment to which, they wist,
One so lonely was fain to list,
That the stars were almost faded away

Before the last went, heavy with dew,
Back to the place from which she came—
Where the bird was before it flew,
Where the flower was before it grew,
Where bird and flower were one and the same.

And thus it is I know so well
Why the flower has odor, the bird has song.
You have only to ask me, and I can tell.
No, not vainly there did I dwell,
Nor vainly listen all the night long.

СПЯЩАЯ БОЛЬ

Я удалился в лес, и на пути
 Деревья песню слушали мою.
 Мне снится — ты у леса на краю
 В раздумье не решаешься войти,
 Как будто пробуя произнести:
 «Я не решусь, я далеко стою,
 Сумей признать неправоту свою,
 Шагнуть навстречу и меня найти.»

А я все видел, был я недалек,
 Себя в еловых лапах схороня.
 От сладкой боли я сказать не мог,
 Что все осталось живо для меня.
 Не верь, что отчужден я и жесток,
 Проснулся лес, ты здесь, и в том залог.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Наш выбор пути не одобрен ими.
 В нас ошиблись, считают теперь они.
 Вдвоем порою в углу сидим мы
 (Неслухи? странники? херувимы?),
 Пытаясь не чувствовать, что потеряны.

A DREAM PANG

I had withdrawn in forest, and my song
 Was swallowed up in leaves that blew away;
 And to the forest edge you came one day
 (This was my dream) and looked and pondered long,
 But did not enter, though the wish was strong:
 You shook your pensive head as who should say,
 "I dare not—too far in his footsteps stray—
 He must seek me would he undo the wrong."

Not far, but near, I stood and saw it all
 Behind low boughs the trees let down outside;
 And the sweet pang it cost me not to call
 And tell you that I saw does still abide.
 But 'tis not true that thus I dwelt aloof,
 For the wood wakes, and you are here for proof.

IN NEGLECT

They leave us so to the way we took,
 As two in whom they were proved mistaken,
 That we sit sometimes in the wayside nook,
 With mischievous, vagrant, seraphic look,
 And try if we cannot feel forsaken.

ОКНА ЗАКРОЙ

Окна закрой, чтоб смолкли поля вокруг,
А лес за стеклом беззвучно стволы качал;
Все птицы утихли, а если еще не все —
Это моя печаль.

Очень нескоро болота опять оживут,
Очень нескоро птичий вернется гам:
Так окна закрой, чтоб видеть как в тишине
Ломает лес ураган.

NOW CLOSE THE WINDOWS

Now close the windows and hush all the fields;
If the trees must, let them silently toss;
No bird is singing now, and if there is,
Be it my loss.

It will be long ere the marshes resume,
It will be long ere the earliest bird:
So close the windows and not hear the wind,
But see all wind-stirred.

ПЕСНЯ В ОСЕНнюю БУРЮ

Ветер тучи на клочья рвет,
 Проселок дождем размыт,
 Кристаллами кварца капли вразлет
 Сметают следы копыт.
 Цветы у дороги водою полны,
 Пчел вхолостую маня.
 Приди, убежим далеко за холмы,
 В дождь полюби меня!

Без перезвона живых голосов
 Тосклив лесной неуют,
 Ни эльфы — давнишние духи лесов,
 Ни птицы в шторм не поют.
 Ветры, как дикой розе красу,
 Песням сломали звук.
 Приди, полюби меня в мокром лесу,
 Где брызжется каждый сук.

Восточный ветер нас в спины бьет,
 Глушит слова — молчим.
 Дрожащий от ветра капель полет
 Платье твое промочил.
 Неважно, что с неба струи лились —
 Сквозь ливень ко мне приди!
 Лесного золота мокрый лист
 Как брошь на твоей груди.

В камни впечатав, на память нам,
 Древних раковин след,
 Море вернулось к своим берегам
 Спустя миллионы лет;
 И так же сквозь время, ветра и дожди,
 Сомненья на страсть сменяв,
 Любовь вернулась, и ты приди,
 В дождь полюби меня!

A LINE-STORM SONG

The line-storm clouds fly tattered and swift,
 The road is forlorn all day,
 Where a myriad snowy quartz stones lift,
 And the hoof-prints vanish away.
 The roadside flowers, too wet for the bee,
 Expend their bloom in vain.
 Come over the hills and far with me,
 And be my love in the rain.

The birds have less to say for themselves
 In the wood-world's torn despair
 Than now these numberless years the elves,
 Although they are no less there:
 All song of the woods is crushed like some
 Wild, easily shattered rose.
 Come, be my love in the wet woods; come,
 Where the boughs rain when it blows.

There is the gale to urge behind
 And bruit our singing down,
 And the shallow waters aflutter with wind
 From which to gather your gown.
 What matter if we go clear to the west,
 And come not through dry-shod?
 For wilding brooch shall wet your breast
 The rain-fresh goldenrod.

Oh, never this whelming east wind swells
 But it seems like the sea's return
 To the ancient lands where it left the shells
 Before the age of the fern;
 And it seems like the time when after doubt
 Our love came back amain.
 Oh, come forth into the storm and rout
 And be my love in the rain.

ОКТАБРЬ

Октябрь, тишь осенних дней;
 Созрели листья на ветвях,
 И ветер, дунув посильней,
 Сметет их в прах.
 Лишь клич ворон в лесных верхах,
 Но завтра смолкнут и они.
 Октябрь, тишь осенних дней,
 Замедля время, растяни.
 Позволь сердцам надежду дать,
 Им жизнь покажется длинней,
 Тебе ж заботы лишь одни:
 Рассветной утренней порой
 Лист уронить и долго ждать,
 Пока вдали слетит второй.
 Не торопись, октябрь, продли
 Очарование земли.
 Застыньте, дни!
 Пусть уцелеет виноград
 И хоть листву обжег мороз,
 К стене доверчиво прирос
 Неповрежденных гроздьев ряд.

OCTOBER

O hushed October morning mild,
 Thy leaves have ripened to the fall;
 Tomorrow's wind, if it be wild,
 Should waste them all.
 The crows above the forest call;
 Tomorrow they may form and go.
 O hushed October morning mild,
 Begin the hours of this day slow.
 Make the day seem to us less brief.
 Hearts not averse to being beguiled,
 Beguile us in the way you know.
 Release one leaf at break of day;
 At noon release another leaf;
 One from our trees, one far away.
 Retard the sun with gentle mist;
 Enchant the land with amethyst.
 Slow, slow!
 For the grapes' sake, if they were all,
 Whose leaves already are burnt with frost,
 Whose clustered fruit must else be lost —
 For the grapes' sake along the wall.

РАЗДУМЬЕ

Я шел через лес, через поля,
 Ограды, поляны, болота,
 На склон вскарабкался, и на мир
 Взглянул, как будто с полета,
 А дальше — вниз, дорога домой...
 Вот и конец, вот он.

Листья опавшие на земле,
 Лишь с дуба не всех еще сдуло.
 Вниз слетают по одному,
 Заброшенно, тихо и снуло.
 По снежной корке им шелестеть.
 Все другое уснуло.

Мертвые листья кучей лежат,
 Не крутит их ветер даже,
 Последней астры завяли цветы
 В этом унылом пейзаже.
 Сердце куда-то еще спешит,
 Ноги молят: «Куда же?»

Но разве бывало сердцам мужчин
 Изменой считать не зазорно
 Положиться на ход вещей,
 Судьбе уступить резонно
 И с поклоном принять конец
 Любви или сезона?

RELUCTANCE

Out through the fields and the woods
 And over the walls I have wended;
 I have climbed the hills of view
 And looked at the world, and descended;
 I have come by the highway home,
 And lo, it is ended.

The leaves are all dead on the ground,
 Save those that the oak is keeping
 To ravel them one by one
 And let them go scraping and creeping
 Out over the crusted snow,
 When others are sleeping.

And the dead leaves lie huddled and still,
 No longer blown hither and thither;
 The last long aster is gone;
 The flowers of the witch-hazel wither;
 The heart is still aching to seek,
 But the feet question 'Whither?'

Ah, when to the heart of man
 Was it ever less than a treason
 To go with the drift of things,
 To yield with a grace to reason,
 And bow and accept the end
 Of a love or a season?

ИЗ КНИГИ
«К СЕВЕРУ ОТ БОСТОНА»

ПОСЛЕ СБОРА ЯБЛОК

В зенит уходит лестница, держась за ствол,
К стволу бочонок прислонен,
Еще до края не наполнен он.
Один лишь сук у дерева не гол,
Три яблока нетронутых висят.
Но я закончил убирать свой сад.
Уже зима зовет забыться в сне,
Под запах яблок погружаясь в тишь,
А утром все в природе странно мне:
Трава и листья кажутся седые,
Когда на мир сквозь тонкий лед глядишь,
Сняв корочку замерзнувшей воды.
Лед таял, он выскользнул из рук,
Ломался он,
А я заснул под льдинок тихий звон
И помню сон:
Гигантских яблок контуры вокруг,
То приближаясь, то издали
Мелькнут и гаснут, словно миражи,
Веснушчатые рыжие бока.
А я опять стою, держась за сук,
Болят от грубой лестницы ступни,
Когда от ветра дерево дрожит.
И груды яблок заполняют чан,
Бегут они
Сплошным потоком, глухо рокоча.

FROM THE BOOK
"NORTH OF BOSTON"

AFTER APPLE-PICKING

My long two-pointed ladder's sticking through a tree
Toward heaven still,
And there's a barrel that I didn't fill
Beside it, and there may be two or three
Apples I didn't pick upon some bough.
But I am done with apple-picking now.
Essence of winter sleep is on the night,
The scent of apples: I am drowsing off.
I cannot rub the strangeness from my sight
I got from looking through a pane of glass
I skimmed this morning from the drinking trough
And held against the world of hoary grass.
It melted, and I let it fall and break.
But I was well
Upon my way to sleep before it fell,
And I could tell
What form my dreaming was about to take.
Magnified apples appear and disappear,
Stem end and blossom end,
And every fleck of russet showing clear.
My instep arch not only keeps the ache,
It keeps the pressure of a ladder-round.
I feel the ladder sway as the boughs bend.
And I keep hearing from the cellar bin
The rumbling sound
Of load on load of apples coming in.

Но я уже без сил,
Не понапрасну отданных борьбе
За урожай, что сам желал себе.
Десятки тысяч яблок я носил,
В ладони брал и не давал упасть.
Та часть,
Что упадет,
Пускай неповрежденная на вид,
Уже не в той цене, таков закон:
На сидр пойдет.
Но что разбередит
Теперь мой сон, каким бы ни был он?
Будь здесь сурок,
Он бы сказал, во что я погружен:
В бездонный зимний сон, как сам зверек,
Или в обычный сон?

For I have had too much
Of apple-picking: I am overtired
Of the great harvest I myself desired.
There were ten thousand thousand fruit to touch,
Cherish in hand, lift down, and not let fall.
For all
That struck the earth,
No matter if not bruised or spiked with stubble,
Went surely to the cider-apple heap
As of no worth.
One can see what will trouble
This sleep of mine, whatever sleep it is.
Were he not gone,
The woodchuck could say whether it's like his
Long sleep, as I describe its coming on,
Or just some human sleep.

ПЕРЕД СНОМ

Со мной никого на прогулке нет,
Зимою рано уходит свет,
Кругом темнота, лишь окна горят
В домах, у дороги стоящих в ряд.

Там жизнь течет, неизвестная мне,
Я слышу скрипку в одном окне
И падают на занавесок ажур
Тени от юных лиц и фигур.

Бросив на юность прощальный взгляд,
Зашел за околицу и назад.
Но все изменилось вокруг меня —
Ни одного в окошках огня.

Снег под ногами громко скрипит,
Как будто тревожу я всех кто спит,
Как будто без спроса вхожу в дома...
Вечер. Десять часов. Зима.

GOOD HOURS

I had for my winter evening walk—
No one at all with whom to talk,
But I had the cottages in a row
Up to their shining eyes in snow.

And I thought I had the folk within:
I had the sound of a violin;
I had a glimpse through curtain laces
Of youthful forms and youthful faces.

I had such company outward bound.
I went till there were no cottages found.
I turned and repented, but coming back
I saw no window but that was black.

Over the snow my creaking feet
Disturbed the slumbering village street
Like profanation, by your leave,
At ten o'clock of a winter eve.

ИЗ КНИГИ
«МЕЖДУ ГОРАМИ»

ДРУГАЯ ДОРОГА

В осеннем лесу развилка дорог.
Какую выбрать — подсказки нет.
Глядел я, растерянно одиноко,
Вдоль первой дороги, покуда мог
В подлеске видеть ее просвет.

И честно делая выбор свой
Я глянул в даль другой из дорог.
Она сильнее заросла травой,
Но больше разницы никакой
Для проходящих по ней сапог.

В то утро обе манили в путь,
Слой листьев лежал нетронутым свеж,
И я на вторую решил шагнуть,
Чтоб к первой вернуться когда-нибудь,
В душе не питая таких надежд.

Но возвращается через года
Картинка из прошлого моего:
Развилка дорог, а какая куда?
Я менее торную выбрал тогда
И все, вероятно, пошло от того.

FROM THE BOOK
"MOUNTAIN INTERVAL"

THE ROAD NOT TAKEN

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth.

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted wear;
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same.

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I—
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

БЕЗЗАЩИТНОЕ ГНЕЗДО

Опять, небось, забавы в голове! —
 Подумал я, увидевши тебя
 На четвереньках в скошенной траве,
 Казалось, ты затеяла игру,
 Где стебли трав, что пали от ножа,
 Срослись и закачались на ветру

Твои причуды зная и любя,
 Я был в игре участвовать готов.
 Но не за тем меня позвала ты
 Июньскую траву в руках держа
 И клевера поникшие цветы.
 Нам было в этот раз не до цветов.

Птенцы лежали у твоих колен,
 Топорща стебли вытянутых шей.
 Слепая сталь, прочавкав над гнездом,
 По счастью не задела малышей,
 Но натворила столько перемен,
 Жарой наполнив их уютный дом.

THE EXPOSED NEST

You were forever finding some new play.
 So when I saw you down on hands and knees
 In the meadow, busy with the new-cut hay,
 Trying, I thought, to set it up on end,
 I went to show you how to make it stay,
 If that was your idea, against the breeze,

And, if you asked me, even help pretend
 To make it root again and grow afresh.
 But 'twas no make-believe with you to-day,
 Nor was the grass itself your real concern,
 Though I found your hand full of wilted fern,
 Steel-bright June-grass, and blackening heads of clover.

'Twas a nest full of young birds on the ground
 The cutter-bar had just gone champing over
 (Miraculously without tasting flesh)
 And left defenseless to the heat and light.
 You wanted to restore them to their right
 Of something interposed between their sight
 And too much world at once—could means be found.

Ты птиц от бед хотела оградить,
 Восстановить их прежнее житье
 Но где же мама, чтобы защитить,
 Укрыть от солнца, принести поесть?
 Они ловили взглядом каждый жест
 А вдруг мы можем заменить ее?

Ты им от солнца делала заслон,
 Нас подгонял их беспокойный писк
 И мы не знали, что нам предпринять.
 Творя добро, всегда идешь на риск —
 Вдруг наша помощь отпугнет их мать,
 Которую куда-то унесло.

Мы как могли пытались им помочь,
 Но день ушел в потоке суеты
 И нас назад ничто не привело.
 Не знаю я (но может знаешь ты?)
 Как эти птицы пережили ночь
 И как потом вставали на крыло.

The way the nest-full every time we stirred
 Stood up to us as to a mother-bird
 Whose coming home has been too long deferred,
 Made me ask would the mother-bird return
 And care for them in such a change of scene
 And might our meddling make her more afraid.

That was a thing we could not wait to learn.
 We saw the risk we took in doing good,
 But dared not spare to do the best we could
 Though harm should come of it; so built the screen
 You had begun, and gave them back their shade.

All this to prove we cared. Why is there then
 No more to tell? We turned to other things.
 I haven't any memory—have you?—
 Of ever coming to the place again
 To see if the birds lived the first night through,
 And so at last to learn to use their wings.

УЦЕЛЕВШИЙ СНЕЖНЫЙ КЛОЧОК

Уцелевший снежный клочок,
Ноздреват и нечист,
А, может, прибитый дождем
Смятый газетный лист?

Словно сажею пишет мне
Прежняя белизна
О новостях, что забыл
Или вовсе не знал.

A PATCH OF OLD SNOW

There's a patch of old snow in a corner,
That I should have guessed
Was a blow-away paper the rain
Had brought to rest.

It is speckled with grime as if
Small print overspread it,
The news of a day I've forgotten—
If I ever read it.

ТЕЛЕФОН

«Мой дом вдали, он виделся едва.
 Я шел в поля.
 Вокруг покой,
 И в тишине,
 К цветку нагнувшись, вдруг услышал я
 Твои слова.
 Не спорь, я знаю — это голос твой
 Цветы ловили на твоём окне.
 А помнишь, что ты говорила мне?»

«А что тебе поведали цветы?»

«Спугнув пчелу, за стебель взял цветок,
 Поднес к груди,
 Но звук уже затух.
 Одно лишь слово уловить я смог.
 Возможно, мое имя невзначай
 Шепнула ты,
 А может кто-то произнес "Приди".»

«Я это думала, но не сказала вслух.»

«Я здесь. Встречай.»

THE TELEPHONE

"When I was just as far as I could walk
 From here to-day,
 There was an hour
 All still
 When leaning with my head against a flower
 I heard you talk.
 Don't say I didn't, for I heard you say—
 You spoke from that flower on the window sill—
 Do you remember what it was you said?"

"First tell me what it was you thought you heard."

"Having found the flower and driven a bee away,
 I leaned my head,
 And holding by the stalk,
 I listened and I thought I caught the word—
 What was it? Did you call me by my name?
 Or did you say—
 Someone said 'Come'—I heard it as I bowed."

"I may have thought as much, but not aloud."

"Well, so I came."

ВСТРЕТИЛИСЬ И ПРОШЛИ

Шагал я вниз по склону вдоль стены
 И, миновав калитку, встретил Вас.
 Вы шли наверх, и в этот первый раз
 Следы за нами стали сплетены.
 Они в пыли тянулись позади,
 А сколько нас — не различить никак:
 Уже не два, пока что не один.
 Вы след зонта — как десятичный знак —
 Решительно поставили в конце,
 Но в разговоре, что со мной вели,
 Взглянули вниз с улыбкой на лице,
 Как будто что-то видели в пыли...
 Потом я шел, как Вы до встречи шли,
 А Вы по моему пути ушли.

MEETING AND PASSING

As I went down the hill along the wall
 There was a gate I had leaned at for the view
 And had just turned from when I first saw you
 As you came up the hill. We met. But all
 We did that day was mingle great and small
 Footprints in summer dust as if we drew
 The figure of our being less than two
 But more than one as yet. Your parasol
 Pointed the decimal off with one deep thrust.
 And all the time we talked you seemed to see
 Something down there to smile at in the dust.
 (Oh, it was without prejudice to me!)
 Afterward I went past what you had passed
 Before we met, and you what I had passed.

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

Ручей к июню высох и замолк.
 Куда он убегает каждый год?
 Находит ли себе подземный ход
 (С собой забрав весь лягушачий полк,
 Через туман звеневший весь апрель,
 Как призрачный бубенчик сквозь метель)?
 Иль, воплотясь в цветущий бальзамин,
 Почуяв ветер, клонится за ним,
 Навстречу струям, что текли весной.
 А нынче отжурчал поток лесной,
 Забито русло высохшей листвой...
 Пусть неказистый с виду наш ручей,
 В лесу таких ручьев не перечеть,
 Он взгляд не завораживал ничей,
 Но если любишь, любишь все как есть.

HYLA BROOK

By June our brook's run out of song and speed.
 Sought for much after that, it will be found
 Either to have gone groping underground
 (And taken with it all the Hyla breed
 That shouted in the mist a month ago,
 Like ghost of sleigh-bells in a ghost of snow)—
 Or flourished and come up in jewel-weed,
 Weak foliage that is blown upon and bent
 Even against the way its waters went.
 Its bed is left a faded paper sheet
 Of dead leaves stuck together by the heat—
 A brook to none but who remember long.
 This as it will be seen is other far
 Than with brooks taken elsewhere in song.
 We love the things we love for what they are.

ПРИВЯЗАННАЯ И СВОБОДНАЯ

Любви привычен мир земной,
 Где рук кольцо — преграда бедам.
 А Мысли этот мир неведом.
 У Мысли горизонт иной,
 У ней есть крылья за спиной.

Среди лугов, снегов, песков —
 Следы Любви, ее объятий.
 Здесь, на Земле, чего скрывать ей,
 Характер у любви таков.
 А Мысль свободна от оков,

Она летит в межзвездной мгле,
 Проводит ночь на звездном диске,
 А утром снова в путь неблизкий.
 И возвращается к Земле
 С подпалинами на крыле.

И, может, мысль нашла вдали
 То, что любви понятно тоже,
 И чувства сходные тревожат
 Любовь — заложницу Земли
 И Мысль в космической пыли.

BOND AND FREE

Love has earth to which she clings
 With hills and circling arms about—
 Wall within wall to shut fear out.
 But Thought has need of no such things,
 For Thought has a pair of dauntless wings.

On snow and sand and turf, I see
 Where Love has left a printed trace
 With straining in the world's embrace.
 And such is Love and glad to be.
 But Thought has shaken his ankles free.

Thought cleaves the interstellar gloom
 And sits in Sirius' disc all night,
 Till day makes him retrace his flight,
 With smell of burning on every plume,
 Back past the sun to an earthly room.

His gains in heaven are what they are.
 Yet some say Love by being thrall
 And simply staying possesses all
 In several beauty that Thought fares far
 To find fused in another star.

ПОДПОРКИ ДЛЯ ГОРОХА

С воскресной службы в разгаре дня
 Я в рощу шел, где стучал топор.
 Там Джон березу припас для меня,
 Под мой горох нарубить подпор.

С небес в прогал, что рощу рассек,
 Лилось не по-майски много тепла
 И душно пах березовый сок,
 Как будто кровь из обрубокв текла.

Лягушки, галдевшие день напролет
 У каждой лужицы и пруда,
 При звуках шагов закрывали рот,
 Гадая, зачем я пришел сюда.

Навалены всюду ветки берез
 В сочащихся срезах от топора,
 Пока на телеге никто не увез
 Груз этот, смявший цветы с утра.

Мне ветки нужны, чтоб по ним вились
 Ростки гороха в моем дворе,
 Словно из почвы их кто-то ввысь
 За нитки тянет, какв детской игре.

И вновь оживут лесные цветы,
 Стряхнув калечивший стебли гнет,
 И триллиум, выйдя из темноты,
 Когда положено расцветет.

PEA BRUSH

I walked down alone Sunday after church
 To the place where John has been cutting trees
 To see for myself about the birch
 He said I could have to bush my peas.

The sun in the new-cut narrow gap
 Was hot enough for the first of May,
 And stifling hot with the odor of sap
 From stumps still bleeding their life away.

The frogs that were peeping a thousand shrill
 Wherever the ground was low and wet,
 The minute they heard my step went still
 To watch me and see what I came to get.

Birch boughs enough piled everywhere!—
 All fresh and sound from the recent axe.
 Time someone came with cart and pair
 And got them off the wild flower's backs.

They might be good for garden things
 To curl a little finger round,
 The same as you seize cat's-cradle strings,
 And lift themselves up off the ground.

Small good to anything growing wild,
 They were crooking many a trillium
 That had budded before the boughs were piled
 And since it was coming up had to come.

ЗАЛОЖИТЬ СЕМЯ

Ты говоришь, что в доме ждет обед,
 Но я сейчас, наверно, не приду.
 Я предаю земле опавший цвет,
 Что разбросали яблони в саду.
 Пускай от лепестков потомства нет,
 Я в них горох морщинистый кладу.
 Ты, может быть, пойдешь за мною вслед,
 Забыв про дом, про отдых, про еду,
 Чтоб, у весенней страсти в кабале,
 Творить любовь, сажая семена,
 И увидеть, как в утренней земле,
 Где сорная трава уже видна,
 Прорвется в свет меж земляных комков
 Упругость новорожденных ростков.

PUTTING IN THE SEED

You come to fetch me from my work to-night
 When supper's on the table, and we'll see
 If I can leave off burying the white
 Soft petals fallen from the apple tree.
 (Soft petals, yes, but not so barren quite,
 Mingled with these, smooth bean and wrinkled pea;)

And go along with you ere you lose sight
 Of what you came for and become like me,
 Slave to a springtime passion for the earth.
 How Love burns through the Putting in the Seed
 On through the watching for that early birth
 When, just as the soil tarnishes with weed,
 The sturdy seedling with arched body comes
 Shouldering its way and shedding the earth crumbs.

СОБИРАТЕЛЬ СМОЛЫ

На спуске со мной поравнялся он
 И я поневоле ускорил шаг.
 Пять миль мы вместе прошли налегке,
 Что лучше, чем ехать, пылью дыша,
 И в такт качался в его руке
 Полупустой холщовый мешок.
 Почти крича, через шум и звон
 Реки, вдоль которой держали путь.
 Я рассказал, как провел сезон
 В горах, где дышится хорошо,
 И возвращаюсь теперь назад,
 А он о себе рассказал чуть-чуть.
 Он шел оттуда, где перевал,
 Где ручейки сплелись в водопад,
 Который от гор куски отрывал,
 Их перемалывая в труху.
 На ней расти не дано траве
 (А лишь неприхотливому мху).
 Он там лачугу укрыл в листве,
 Тайком от рабочих, что валят лес,
 Которым вечно снится пожар,
 Дым, закрывший солнечный шар,
 И пламя, взмывшее до небес.

THE GUM-GATHERER

There overtook me and drew me in
 To his down-hill, early-morning stride,
 And set me five miles on my road
 Better than if he had had me ride,
 A man with a swinging bag for load
 And half the bag wound round his hand.
 We talked like barking above the din
 Of water we walked along beside.
 And for my telling him where I'd been
 And where I lived in mountain land
 To be coming home the way I was,
 He told me a little about himself.
 He came from higher up in the pass
 Where the grist of the new-beginning brooks
 Is blocks split off the mountain mass —
 And hopeless grist enough it looks
 Ever to grind to soil for grass.
 (The way it is will do for moss.)
 There he had built his stolen shack.
 It had to be a stolen shack
 Because of the fears of fire and loss
 That trouble the sleep of lumber folk:
 Visions of half the world burned black
 And the sun shrunken yellow in smoke.

Мы знаем — все на продажу везут
Ягоды, яйца — обычный товар,
А этот парень несет на базар
Горных елей душистый сок.
При мне из мешка, что смолкой пропах,
Достал он тусклый, грубый комок,
Который, как сырец-самоцвет,
Скрывал золотисто-коричневый цвет,
Что станет розовым на зубах.

Вот так бы жить — идти через лес,
Сквозь елей вечно прохладную тень,
Потом, прижавшись грудью к стволу,
Сделать ножом небольшой надрез,
Собрать по капле из ранки смолу
И выйти на рынок в базарный день.

We know who when they come to town
Bring berries under the wagon seat,
Or a basket of eggs between their feet;
What this man brought in a cotton sack
Was gum, the gum of the mountain spruce.
He showed me lumps of the scented stuff
Like uncut jewels, dull and rough
It comes to market golden brown;
But turns to pink between the teeth.

I told him this is a pleasant life
To set your breast to the bark of trees
That all your days are dim beneath,
And reaching up with a little knife,
To loose the resin and take it down
And bring it to market when you please.

ШУМ ДЕРЕВЬЕВ

Я сам у себя спрошу
 В силу каких причин
 Мы терпим деревьев шум,
 Единственный среди всех
 Тревожащих наш уют?
 Он разрушает нам
 Размеренный счет минут
 И постоянство утех.
 Мы слушаем и молчим.
 Нам кто-то твердит про уход
 Бросая вызов корням,
 Старея из года в год
 Все говорит «Уйду»
 Но сам уйти не готов.
 А я в жилище своем
 Лишь головой веду
 В такт качанью стволов
 Видных в дверной проем.
 Когда-нибудь я решу
 Что делать выбор пора,
 Поднимут голос ветра,
 Листьев тревожный шум
 Спугнет облаков гряде
 И я без ненужных слов
 Однажды уйду.

THE SOUND OF TREES

I wonder about the trees.
 Why do we wish to bear
 Forever the noise of these
 More than another noise
 So close to our dwelling place?
 We suffer them by the day
 Till we lose all measure of pace,
 And fixity in our joys,
 And acquire a listening air.
 They are that that talks of going
 But never gets away;
 And that talks no less for knowing,
 As it grows wiser and older,
 That now it means to stay.
 My feet tug at the floor
 And my head sways to my shoulder
 Sometimes when I watch trees sway,
 From the window or the door.
 I shall set forth for somewhere,
 I shall make the reckless choice
 Some day when they are in voice
 And tossing so as to scare
 The white clouds over them on.
 I shall have less to say,
 But I shall be gone.

ИЗ КНИГИ
«НЬЮ-ГЕМПШИР»

КУСОЧКИ СИНИ

Зачем ценить раздробленную синь,
Любуясь взглядом, бабочкой, цветком?
Ты в синеве утонешь целиком,
Лишь только к небу голову закинь.

Но здесь земля, а небо там, вдали,
И с ним пока лишь гении на ты,
А мы под взглядом синей высоты
Кусочки сини ловим у земли.

ОГОНЬ И ЛЕД

Погибнет мир, сгорев в огне,
Иль вмерзнув в лед?
Огонь желаний ближе мне
И я на этой стороне.
Но если снова речь пойдет
О гибели, то для меня
Холодной ненависти лед
Взамен огня
Вполне сойдет.

FROM THE BOOK
“NEW HAMPSHIRE”

FRAGMENTARY BLUE

Why make so much of fragmentary blue
In here and there a bird, or butterfly,
Or flower, or wearing-stone, or open eye,
When heaven presents in sheets the solid hue?

Since earth is earth, perhaps, not heaven (as yet) —
Though some savants make earth include the sky;
And blue so far above us comes so high,
It only gives our wish for blue a whet.

FIRE AND ICE

Some say the world will end in fire,
Some say in ice.
From what I've tasted of desire
I hold with those who favor fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice.

СНЕЖНАЯ ПЫЛЬ

Вороньи крылья
Задели сук,
Под снежной пылью
Стою в лесу.

Надежды лучик
Согрел меня:
Вдруг станет лучше
Остаток дня?

DUST OF SNOW

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree

Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I have rued.

ЦЕЛЬ — ПЕСНЯ

Был ветер песням не учен,
Он что есть силы дул как мог,
И не заботясь ни о чем,
Свистел и выл, сбивая с ног.

Но человек сказал: «Постой!
Шторма и бури прекрати!
Ты не ори — попробуй спой
И слушай как звучит мотив.»

Вдохнул он воздух, плавно так,
И выпустил, во рту согрев,
Не сразу весь, за тактом такт,
Из ветра делая напев,

Чудесный сплав из слов и нот.
Весь инструмент как будто прост.
Из горла в губы звук идет.
Попробуй спой — учись, норд-ост!

THE AIM WAS SONG

Before man came to blow it right
The wind once blew itself untaught,
And did its loudest day and night
In any rough place where it caught.

Man came to tell it what was wrong:
It hadn't found the place to blow;
It blew too hard — the aim was song.
And listen — how it ought to go!

He took a little in his mouth,
And held it long enough for north
To be converted into south,
And then by measure blew it forth.

By measure. It was word and note,
The wind the wind had meant to be —
A little through the lips and throat.
The aim was song — the wind could see.

ДЕНЬ СИННИХ МОТЫЛЬКОВ

Есть у весны день синних мотыльков,
Осколков неба в крылышковой дрожи.
Кружатся хлопья, чище васильков,
Что на земле заголубеют позже.

А эти, с неба, чуть ли не поют,
Но, страсть свою истратив в одноразье,
Синь крылышек влипает в колею
От грубых шин среди апрельской грязи.

BLUE-BUTTERFLY DAY

It is blue-butterfly day here in spring,
And with these sky-flakes down in flurry on flurry
There is more unmixed color on the wing
Than flowers will show for days unless they hurry.

But these are flowers that fly and all but sing:
And now from having ridden out desire
They lie closed over in the wind and cling
Where wheels have freshly sliced the April mire.

ВСТУПЛЕНИЕ

Из года в год, в ночной волшебный час,
 Набравшись сил, нисходит снег на нас,
 Желанно бел у леса в темноте,
 И песни ветра слышатся не те,
 Что он свистел над голою землей...
 Гляжу вокруг, ошеломлен зимой,
 Как человек на смертном рубеже,
 Что за себя не борется уже,
 Отбросив неотложные дела,
 Не став звездой, не сделав людям зла,
 Всю жизнь забыл, как будто не была.

Но учат нас прошедшие года:
 Зима — не смерть, она не навсегда.
 Пускай метель у каждого ствола
 Метровые сугробы намела,
 Природа не застынет в вечном сне,
 Заголосят лягушки по весне,
 Снег съежится от солнечных лучей
 И вниз по склону побежит ручей,
 Блеснув в засохших зарослях густых
 Хвостом змеи, скользнувшей под кусты.
 И лишь белы, как память о зиме,
 Стволы берез и церковь на холме.

THE ONSET

Always the same, when on a fated night
 At last the gathered snow lets down as white
 As may be in dark woods, and with a song
 It shall not make again all winter long
 Of hissing on the yet uncovered ground,
 I almost stumble looking up and round,
 As one who overtaken by the end
 Gives up his errand, and lets death descend
 Upon him where he is, with nothing done
 To evil, no important triumph won,
 More than if life had never been begun.

Yet all the precedent is on my side:
 I know that winter death has never tried
 The earth but it has failed: the snow may heap
 In long storms an undrifted four feet deep
 As measured again maple, birch, and oak,
 It cannot check the peeper's silver croak;
 And I shall see the snow all go downhill
 In water of a slender April rill
 That flashes tail through last year's withered brake
 And dead weeds, like a disappearing snake.
 Nothing will be left white but here a birch,
 And there a clump of houses with a church.

ПРОЩАЙ, ХРАНИ ХОЛОД

Холодная осень, прощаться пора.
 У яблонь твоих не окрепла кора,
 Мой сад за холмом, ты еще не подрос,
 Зима принесет тебе много угроз.
 И мыши, и зайцы голодной порой
 Охочи до яблонь с их нежной корой.
 Нагрянут олени стволы объедать,
 А птицы — набухшие почки клевать.
 (И, если б я видел от этого прок,
 То всей этой живности дал бы урок,
 Сказав им, что яблони трогать нельзя,
 И палкою вместо ружья пригрозя.)
 Не бойся морозов, воспитанник мой,
 Опасней на солнце оттаять зимой
 (Чтоб не был до срока разбужен твой сон,
 Для сада мы выбрали северный склон.)
 Храни в себе холод, мой юноша-сад!
 Надежнее минус, чем плюс пятьдесят.
 Прощай, мы увидимся лишь по весне,
 Я к клену уеду, к березе, к сосне.
 Там нету забот в ожиданьи плодов,
 Стучат топоры, не страшась холодов.
 Мне будет непросто расстаться с тобой,
 Фруктовый мой сад с беспокойной судьбой.
 Я знаю как зимняя ночь нелегка:
 Ни человека, ни огонька.
 И в темном, январском, медлительном сне
 Сердца твоих яблонь уходят под снег...
 Я много им дал, но не больше, чем мог.
 Об остальном позаботится Бог.

GOOD-BYE AND KEEP COLD

This saying good-bye on the edge of the dark
 And cold to an orchard so young in the bark
 Reminds me of all that can happen to harm
 An orchard away at the end of the farm
 All winter, cut off by a hill from the house.
 I don't want it girdled by rabbit and mouse,
 I don't want it dreamily nibbled for browse
 By deer, and I don't want it budded by grouse.
 (If certain it wouldn't be idle to call
 I'd summon grouse, rabbit, and deer to the wall
 And warn them away with a stick for a gun.)
 I don't want it stirred by the heat of the sun.
 (We made it secure against being, I hope,
 By setting it out on a northerly slope.)
 No orchard's the worse for the wintriest storm;
 But one thing about it, it mustn't get warm.
 "How often already you've had to be told,
 Keep cold, young orchard. Good-bye and keep cold.
 Dread fifty above more than fifty below."
 I have to be gone for a season or so.
 My business awhile is with different trees,
 Less carefully nourished, less fruitful than these,
 And such as is done to their wood with an axe—
 Maples and birches and tamaracks.
 I wish I could promise to lie in the night
 And think of an orchard's arboreal plight
 When slowly (and nobody comes with a light)
 Its heart sinks lower under the sod.
 But something has to be left to God.

РУЧЕЙ В ГОРОДЕ

Дошел до фермы городской квартал.
 Дом медлил, но черед ему настал
 Повесить номер. Ну а что с ручьем,
 Крутой петлей охватывавшим дом?
 Казалось, сила в нем невелика,
 Но сунешь палец — дернется рука.
 Я помню как подбрасывал поток
 На пробу мною брошенный цветок.
 Теперь дома построятся вокруг,
 Зальют асфальтом зеленевший луг,
 Фруктовый сад легко срубить и сжечь,
 Но как потоку помешаешь течь?
 Как оградиться от живой воды,
 В которой нет для города нужды?
 Ручей — в трубу, в подземный каземат!
 Где не видны ни лето, ни зима.
 Он будет течь в зловонной вечной мгле,
 А чем мешал он людям на земле?
 Исчез ручей, стремителен и чист,
 Лишь старой карты пожелтевший лист
 Его хранит, и можно лишь мечтать,
 Чтоб он являлся из земли опять,
 От света и от воздуха дрожа,
 Смущая труд и отдых горожан.

A BROOK IN THE CITY

The farmhouse lingers, though averse to square
 With the new city street it has to wear
 A number in. But what about the brook
 That held the house as in an elbow-crook?
 I ask as one who knew the brook, its strength
 And impulse, having dipped a finger length
 And made it leap my knuckle, having tossed
 A flower to try its currents where they crossed.
 The meadow grass could be cemented down
 From growing under pavements of a town;
 The apple trees be sent to hearth-stone flame.
 Is water wood to serve a brook the same?
 How else dispose of an immortal force
 No longer needed? Staunch it at its source
 With cinder loads dumped down? The brook was thrown.
 Deep in a sewer dungeon under stone
 In fetid darkness still to live and run —
 And all for nothing it had ever done
 Except forget to go in fear perhaps.
 No one would know except for ancient maps
 That such a brook ran water. But I wonder
 If from its being kept forever under,
 The thoughts may not have risen that so keep
 This new-built city from both work and sleep.

ВСПОМИНАЯ ЗИМОЙ ВЕЧЕРНЮЮ ПТИЦУ

Тускнел на небе закатный блеск,
 Спускался холод на зимний лес,
 И птицы тень почудилась мне
 На свежавывавшей белизне.

Здесь летом шаг прерывал я свой
 И слушал как птаха в тени за листвою,
 Как будто с неба зов ощутив,
 Живой и нежный вела мотив.

А нынче лес молчалив и чист,
 На ветке висит одинокий лист.
 И нет на дереве никого —
 Два раза я обошел его.

Гляжу как снег на склоне холма
 Морозной наледью красит зима,
 Но что изменит этот налет?
 Не требует золото позолот.

А сверху облако или дымок,
 Как будто кисти белый мазок
 С севера к югу ветер несет;
 И первой звездой пронзен небосвод.

LOOKING FOR A SUNSET BIRD IN WINTER

The west was getting out of gold,
 The breath of air had died of cold,
 When shoeing home across the white,
 I thought I saw a bird alight.

In summer when I passed the place
 I had to stop and lift my face;
 A bird with an angelic gift
 Was singing in it sweet and swift.

No bird was singing in it now.
 A single leaf was on a bough,
 And that was all there was to see
 In going twice around the tree.

From my advantage on a hill
 I judged that such a crystal chill
 Was only adding frost to snow
 As gilt to gold that wouldn't show.

A brush had left a crooked stroke
 Of what was either cloud or smoke
 From north to south across the blue;
 A piercing little star was through.

ДЕНЬ ПОЮЩЕЙ ДОЛИНЫ

Закрылась дверь — и это был последний звук.
 Ты дальше шла неслышно через луг,
 Но, отойдя совсем немного от двери,
 Ты разбудила в проблесках зари
 Одну лишь птицу, а она — всех остальных.
 Ты не горюй, что прерван сон у них,
 И без тебя их разбудил бы первый луч,
 Сквозь облака пробившись, тонок и колюч.
 С ним сможет музыка свободу обрести,
 Когда всю ночь ее держали взаперти.
 Рассвет не думал красить это утро
 Играя в капельках дождя, как в перламутрах,
 Пока в лучах они не вспыхнут как алмаз,
 И песни сами не родились в этот час:
 Ты начинала их и будто бы творишь...
 А я еще дремлю под капли с крыш,
 И от дождя промокла штора на окне...
 Ты обо всем, придя, расскажешь мне.
 Все было так — я в этом убежден:
 В долине певчий день тобой рожден.

THE VALLEY'S SINGING DAY

The sound of the closing outside door was all.
 You made no sound in the grass with your footfall,
 As far as you went from the door, which was not far;
 But you had awakened under the morning star
 The first song-bird that awakened all the rest.
 He could have slept but a moment more at best.
 Already determined dawn began to lay
 In place across a cloud the slender ray
 For prying beneath and forcing the lids of sight,
 And loosing the pent-up music of over-night.
 But dawn was not to begin their "pearly-pearly"
 (By which they mean the rain is pearls so early,
 Before it changes to diamonds in the sun),
 Neither was song that day to be self-begun.
 You had begun it, and if there needed proof—
 I was asleep still under the dripping roof,
 My window curtain hung over the sill to wet;
 But I should awake to confirm your story yet;
 I should be willing to say and help you say
 That once you had opened the valley's singing day.

**О ДЕРЕВЕ УПАВШЕМ ПОПЕРЕК ДОРОГИ
(пусть слышит)**

Еловый ствол упал наперекос,
Дорогу под собою погребя,
Не как преграда нам, а как вопрос,
Что думаем мы сами про себя,

Способны ли и дальше видеть цель,
Хоть изменились правила игры,
И выйти в снег, и сдвинуть эту ель,
Жалея, что не взяли топоры?

Ведь ей известно, если выбран путь,
То нас не остановит ничего,
И если надо землю повернуть,
То мы ее подцепим рычагом.

Устав кружить, планета в тот же миг,
Цель обретя, рванется напрямик.

**ON A TREE FALLEN ACROSS THE ROAD
(to hear us talk)**

The tree the tempest with a crash of wood
Throws down in front of us is not bar
Our passage to our journey's end for good,
But just to ask us who we think we are

Insisting always on our own way so.
She likes to halt us in our runner tracks,
And make us get down in a foot of snow
Debating what to do without an ax.

And yet she knows obstruction is in vain:
We will not be put off the final goal
We have it hidden in us to attain,
Not though we have to seize earth by the pole

And, tired of aimless circling in one place,
Steer straight off after something into space.

ОТТЕПЕЛЬ НА СКЛОНЕ

А знаешь, как, прервав свой зимний сон,
 Бежит на солнцем ослепленный склон
 Из снега ящериц блестящий миллион?
 Течет поток живого серебра
 И я не знаю, как они смогли,
 Волшебный свет почувствовав вдали,
 Проснуться и бежать из-под ковра,
 Который солнце сдернуло с земли.
 Но если б эту гонку ты хотел
 Прервать, хватая ящериц за хвост,
 Прижав ногой иль, рухнув во весь рост
 В поток, что ослепительно блестел
 Десятком извивающихся тел,
 Несущихся нестройными рядами
 Под птичий ободряющий галдеж,
 То с мокрыми ногами и руками
 Но без единой ящерицы уйдешь.
 Но переменит все луна-колдунья,
 Расчистив мир от солнечных чудес.
 Она вползет на небо над горой,
 Ее дыханье, обретая вес,
 Накроет ящериц мерцаньем лунным.
 К шести часам их бег еще не смолк,
 Но ждет луна, пока снующий рой
 Не ощутит начала лунных чар,
 И к девяти весь ящеричный полк,
 Застыв в сплетении случайных поз,
 На склоне грудой смерзшейся торчал,
 Что до восхода не расшевелить...
 Заклятье, заморозившее их,
 Струилось так неслышно меж берез,
 Что будь там лист, и он остался б тих.
 А чтобы каждой ящерице застыть,
 К ней вьет луна лучающую нить...
 Если б я мог их так заморозить!

A HILLSIDE THAW

To think to know the country and not know
 The hillside on the day the sun lets go
 Ten million silver lizards out of snow!
 As often as I've seen it done before
 I can't pretend to tell the way it's done.
 It looks as if some magic of the sun
 Lifted the rug that bred them on the floor
 And the light breaking on them made them run.
 But if I thought to stop the wet stampede,
 And caught one silver lizard by the tail,
 And put my foot on one without avail,
 And threw myself wet-elbowed and wet-kneed
 In front of twenty others' wriggling speed, —
 In the confusion of them all aglitter,
 And birds that joined in the excited fun
 By doubling and redoubling song and twitter,
 I have no doubt I'd end by holding none.
 It takes the moon for this. The sun's a wizard
 By all I tell; but so's the moon a witch.
 From the high west she makes a gentle cast
 And suddenly, without a jerk or twitch,
 She has her spell on every single lizard.
 I fancied when I looked at six o'clock
 The swarm still ran and scuttled just as fast.
 The moon was waiting for her chill effect.
 I looked at nine: the swarm was turned to rock
 In every lifelike posture of the swarm,
 Transfixed on mountain slopes almost erect.
 Across each other and side by side they lay.
 The spell that so could hold them as they were
 Was wrought through trees without a breath of storm
 To make a leaf, if there had been one, stir.
 It was the moon's she held them until day,
 One lizard at the end of every ray.
 The thought of my attempting such a stay!

НАША ПЕСЕННАЯ СИЛА

Метель весной, а грунт прогреет и сух,
 Снег, чтоб не таять, кружит на весу
 И пролетает белая орда,
 Не оставляя на земле следа.
 Земля решила, отторгая снег,
 Что не подходит белый цвет весне.
 Но ночью хлопьям все же удалось
 Раскрасить землю белизной полос,
 Трава и сад признали снегопад
 И вне дорог зима пришла назад.
 С утра окрестность выцветши-мертва,
 Под снежным прессом мается трава,
 Деревья ветки опустили вниз,
 Как будто груз плодов на них повис.
 Снежки на почках — как фруктовый сад,
 И лишь в грязи дороги полоса.
 Там будто греет тайное тепло
 Иль свежий снег подошвами смело.

Весной здесь собираются певцы:
 Летят дрозды, малиновки, скворцы.
 Отсюда путь им — в разные концы,
 Где гнезда вить привычней и родней.
 Кому на дальний север, к Хадсон Бэй,
 Кого-то холод отпугнет южней...
 Но на пути вот этот поздний снег,
 Где невозможен отдых и ночлег.
 Ни гиблая пороша на полях,
 Ни ветки в вязких белых рукавах
 Присесть усталым птицам не дают,
 Дорога — их единственный приют.
 Метель сроднила тысячи бедняг,
 Садится в грязь за косяком косяк.

OUR SINGING STRENGTH

It snowed in spring on earth so dry and warm
 The flakes could find no landing place to form.
 Hordes spent themselves to make it wet and cold,
 And still they failed of any lasting hold.
 They made no white impression on the black.
 They disappeared as if earth sent them back.
 Not till from separate flakes they changed at night
 To almost strips and tapes of ragged white
 Did grass and garden ground confess it snowed,
 And all go back to winter but the road.
 Next day the scene was piled and puffed and dead.
 The grass lay flattened under one great tread.
 Borne down until the end almost took root,
 The rangey bough anticipated fruit
 With snowball cupped in every opening bud.
 The road alone maintained itself in mud,
 Whatever its secret was of greater heat
 From inward fires or brush of passing feet.

In spring more mortal singers than belong
 To any one place cover us with song.
 Thrush, bluebird, blackbird, sparrow, and robin throng;
 Some to go further north to Hudson's Bay,
 Some that have come too far north back away,
 Really a very few to build and stay.
 Now was seen how these liked belated snow.
 The field had nowhere left for them to go;
 They'd soon exhausted all there was in flying;
 The trees they'd had enough of with once trying
 And setting off their heavy powder load.
 They could find nothing open but the road.
 So there they let their lives be narrowed in
 By thousands the bad weather made akin.

Передо мною по дороге тѣк
 Из птичьих тел составленный поток.
 Они по суше продолжали путь,
 Чтоб крыльям хоть немного отдохнуть.
 Те, кто лететь совсем уже не мог,
 Испуганно скакали из-под ног,
 А несколько отчаянных пичуг
 Меж белых веток описали круг,
 Как в зале, полном хрупкого стекла,
 Где птица залетевшая могла
 Все сокрушить движением крыла,
 И впереди меня вернулись в стаю,
 Чтоб вновь вспорхнуть, с дороги отлетая.
 Всего одна метель в их кратком веке
 Не научила, что от человека
 Скрываться надо за его спиной.

И все ж надежда управляет мной.
 Здесь в шторм скопилась песенная сила,
 Пусть в непогоду трудно и уныло,
 Но каждый к свету вырваться готов
 И песней оживить ростки цветов.

The road became a channel running flocks
 Of glossy birds like ripples over rocks.
 I drove them under foot in bits of flight
 That kept the ground, almost disputing right
 Of way with me from apathy of wing,
 A talking twitter all they had to sing.
 A few I must have driven to despair
 Made quick asides, but having done in air
 A whir among white branches great and small
 As in some too much carven marble hall
 Where one false wing beat would have brought down all,
 Came tamely back in front of me, the Drover,
 To suffer the same driven nightmare over.
 One such storm in a lifetime couldn't teach them
 That back behind pursuit it couldn't reach them;
 None flew behind me to be left alone.

Well, something for a snowstorm to have shown
 The country's singing strength thus brought together,
 That though repressed and moody with the weather
 Was nonetheless there ready to be freed
 And sing the wild flowers up from root and seed.

ПОНЯТЬ ПРИРОДУ

Горит закат, как горел пожар
Над полем, где дом у дороги был,
А нынче, как пестик без лепестков,
Лишь голый контур печной трубы.

Сарай за тропкой наискосок
Был волей ветра спасен от огня
И одиноко стоит в стороне,
Последнюю память о доме храня.

Уже не вздрогнет дощатый пол
От стука копыт и скрипа колес,
С булыжной дороги в проем ворот
Не въедет сеном груженный воз.

Порхают птицы взад и вперед
Через окно с разбитым стеклом
И тихо шуршат — как вздыхаем мы,
Упорно думая о былом.

Для них — расцветшая вновь сирень,
И старый вяз, обожженный огнем,
И криворукий насос без воды,
И колышек с проволокой на нем.

И птицы рады уюту гнезд,
Им для печали причины нет,
Но лишь прожив в деревне, поймешь:
Не плачет природа от прошлых бед.

THE NEED OF BEING VERSED IN COUNTRY THINGS

The house had gone to bring again
To the midnight sky a sunset glow.
Now the chimney was all of the house that stood,
Like a pistil after the petals go.

The barn opposed across the way,
That would have joined the house in flame
Had it been the will of the wind, was left
To bear forsaken the place's name.

No more it opened with all one end
For teams that came by the stony road
To drum on the floor with scurrying hoofs
And brush the mow with the summer load.

The birds that came to it through the air
At broken windows flew out and in,
Their murmur more like the sigh we sigh
From too much dwelling on what has been.

Yet for them the lilac renewed its leaf,
And the aged elm, though touched with fire;
And the dry pump flung up an awkward arm;
And the fence post carried a strand of wire.

For them there was really nothing sad.
But though they rejoiced in the nest they kept,
One had to be versed in country things
Not to believe the phoebes wept.

ИЗ КНИГИ
«ЗАПАДНАЯ РЕКА»

ВЕСЕННИЕ ЛУЖИ

Весенним лужам не мешает лес,
Они вмещают синеву небес.
И, как цветы, дрожат в ознобе лужи,
И, как цветы, живут недолгий срок,
Им ни реки, ни ручейка не нужно —
Все выпьют корни, вверх пуская сок.
Закроет солнце свежая листва
И свет к цветам дотянется едва.
А может пусть повременит природа,
Чтоб уничтожить не пришла пора
Цветы с водою и с цветами воду,
Что звали снегом мы еще вчера.

FROM THE BOOK
“WEST-RUNNING BROOK”

SPRING POOLS

These pools that, though in forests, still reflect
The total sky almost without defect,
And like the flowers beside them, chill and shiver,
Will like the flowers beside them soon be gone,
And yet not out by any brook or river,
But up by roots to bring dark foliage on.
The trees that have it in their pent-up buds
To darken nature and be summer woods—
Let them think twice before they use their powers
To blot out and drink up and sweep away
These flowery waters and these watery flowers
From snow that melted only yesterday.

ВОЛЬНАЯ ЛУНА

Я юную луну примерил вкось
К обреза́м крыш, вечерней мглой одетым,
Быть может так, как ты на гладь волос
Примерила б заколку с самоцветом.
Я примерял луну, меняя точку:
То в паре со звездой, то в одиночку.

А после я ее с собой носил
По летнему вечернему покою,
Достав из рамки скрещенных осин,
Переносил над глянцевой рекою,
И сбросив в воду, видел как оттуда
Катился отблеск, продолжалось чудо.

THE FREEDOM OF THE MOON

I've tried the new moon tilted in the air
Above a hazy tree-and-farmhouse cluster
As you might try a jewel in your hair.
I've tried it fine with little breadth of luster,
Alone, or in one ornament combining
With one first-water star almost shining.

I put it shining anywhere I please.
By walking slowly on some evening later,
I've pulled it from a crate of crooked trees,
And brought it over glossy water, greater,
And dropped it in, and seen the image wallow,
The color run, all sorts of wonder follow.

ПРОХОДЯ НЕЗАМЕТНО

В вершинах леса — ветер и свет,
Крикнешь снизу — ответа нет.
И кто ты есть для этих верхов
В тени листвы у корней и мхов?

Ты ниже диких лесных орхидей,
В сумрак спрятанных от людей,
Где, на голом стебле одинок,
Поник головой пятнистый цветок.

Ты гладишь кору, а складки на ней
Тянутся вверх от самых корней.
Навстречу летит одинокий лист.
Не для тебя. Без адреса. Чист.

И вот уж след затерялся твой,
А лес все так же шумит листвою,
Без всякой жалости о цветке —
Трофее, сжатом в твоей руке.

ON GOING UNNOTICED

As vain to raise a voice as a sigh
In the tumult of free leaves on high.
What are you, in the shadow of trees
Engaged up there with the light and breeze?

Less than the coral-root you know
That is content with the daylight low,
And has no leaves at all of its own;
Whose spotted flowers hang meanly down.

You grasp the bark by a rugged pleat,
And look up small from the forest's feet.
The only leaf it drops goes wide,
Your name not written on either side.

You linger your little hour and are gone,
And still the wood sweep leafily on,
Not even missing the coral-root flower
You took as a trophy of the hour.

КОКОН

А может эта голубая мгла,
 Что здесь осенним вечером легла,
 В которой кромка леса чуть видна
 И постарела юная луна —
 Всего лишь дым от старенькой печи,
 Что греет дом, затерянный в ночи.
 Здесь свет не зажигают в ранний час,
 Скрывая жизнь от посторонних глаз,
 И можно дожидаться долгий срок,
 Пока хоть кто-то выйдет за порог,
 Как будто под прикрытье этих стен
 Ушли жилицы в добровольный плен.
 Они плетут, как пряжу, этот дым,
 Свой мир окутав коконом седым
 И тянут дальше дымную струну
 Как якоря на землю и луну.
 Назло буранам, что зимой придут,
 Они свой кокон бережно прядут.

THE COCOON

As far as I can see this autumn haze
 That spreading in the evening air both way,
 Makes the new moon look anything but new,
 And pours the elm-tree meadow full of blue,
 Is all the smoke from one poor house alone
 With but one chimney it can call its own;
 So close it will not light an early light,
 Keeping its life so close and out of sign
 No one for hours has set a foot outdoors
 So much as to take care of evening chores.
 The inmates may be lonely women-folk.
 I want to tell them that with all this smoke
 They prudently are spinning their cocoon
 And anchoring it to an earth and moon
 From which no winter gale can hope to blow it, —
 Spinning their own cocoon did they but know it.

ПРИБЕЖИЩЕ

Когда лучами напоследок жая,
Огарок солнца падает в залив,
Никто не слышит от природы жалоб,
Лишь птицы знают — вечер тороплив
И скоро небеса закроет тьма.
Одна из них, глаза закрыв почти,
Чуть слышный свист свой слушает сама,
Другая, чтоб не встретить ночь в пути,
Торопится в гнездо скорей попасть.
Уже сосна знакомая видна,
Быстрее вниз, чирикая: «Спаслась!
Теперь пусть ночь становится темна.
Пусть в завтра заглянуть нам не дано,
Так пусть случится все что суждено.»

ACCEPTANCE

When the spent sun throws up its rays on cloud
And goes down burning into the gulf below,
No voice in nature is heard to cry aloud
At what has happened. Birds, at least must know
It is the change to darkness in the sky.
Murmuring something quiet in her breast,
One bird begins to close a faded eye;
Or overtaken too far from his nest,
Hurrying low above the grove, some waif
Swoops just in time to his remembered tree.
At most he thinks or twitters softly, 'Safe!
Now let the night be dark for all of me.
Let the night be too dark for me to see
Into the future. Let what will be, be.'

У ТИХОГО ОКЕАНА

Гремит прибой, раздробленный в туман,
Швыряет волны в берег океан,
Пытаясь сделать то, что никогда
С землей еще не делала вода.
По небу ветер облака разнес
Всклоченными прядями волос.
На берег мрачно рушатся валы,
Хоть он прикрыт объятьями скалы,
А ей опорой служит материк;
Но кажется, что в следующий миг
Не на ночь, а на многие года
Нагрянет неизвестная беда,
Страшней прибоя раня наши души,
Пока Господь свет в мире не потушит.

ONCE BY THE PACIFIC

The shattered water made a misty din.
Great waves looked over others coming in,
And thought of doing something to the shore
That water never did to land before.
The clouds were low and hairy in the skies,
Like locks blown forward in the gleam of eyes.
You could not tell, and yet it looked as if
The shore was lucky in being backed by cliff,
The cliff in being backed by continent;
It looked as if a night of dark intent
Was coming, and not only a night, an age.
Someone had better be prepared for rage.
There would be more than ocean-water broken
Before God's last Put out the Light was spoken.

СОЛОМЕННАЯ КРЫША

У дома брожу под дождем в снегу,
 Я боль причинять и терпеть могу.
 Но надо видеть все время мне
 Свет, горящий в верхнем окне.
 Сейчас это центр всего на свете:
 Я не войду, покуда он светит;
 А не войду — не погаснет свет.
 Кто победитель — ответа нет,
 Увидим кто уступит кому.
 Мир вокруг погружен во тьму.
 Дождь вместо снега идет зимой.
 Ветер гонит прах над землей.
 И вдруг я сквозь шорох холодных брызг
 В соломенной крыше услышал писк.
 Там летом птиц шумливая рать
 Птенцов растила, учила летать.
 Не все они скрылись в дальних местах,
 Зимуют в соломе несколько птах.
 Я низкий карниз зацепив рукой,
 Спугнул их в ночь одну за другой.
 Их боль родилась внутри моей,
 Была, наверно, даже сильнее —
 Во тьме не понятно, лететь куда
 В поисках крова, насеста, гнезда.
 Им до рассвета одна задача —
 Приткнуться где-нибудь наудачу,
 Остатки тепла под перьями пряча.
 Я представил себе с трудом
 Горе существ, потерявших дом.
 В сравненьи тает несчастье мое,
 Мне вспомнилось прежнее наше жилье —
 Дом, чей жизненный срок уже вышел,
 Где ветер солому встрепал на крыше,
 Где дождь идет, как когда-то шел,
 Стекая сквозь щели на старый пол.

THE THATCH

Out alone in the winter rain,
 Intent on giving and taking pain.
 But never was I far out of sight
 Of a certain upper-window light.
 The light was what it was all about:
 I would not go in till the light went out;
 It would not go out till I came in.
 Well, we should see which one would win,
 We should see which one would be first to yield.
 The world was a black invisible field.
 The rain by rights was snow for cold.
 The wind was another layer of mold.
 But the strangest thing: in the thick old thatch,
 Where summer birds had been given hatch,
 Had fed in chorus, and lived to fledge,
 Some still were living in hermitage.
 And as I passed along the eaves,
 So low I brushed the straw with my sleeves,
 I flushed birds out of hole after hole,
 Into the darkness. It grieved my soul,
 It started a grief within a grief,
 To think their case was beyond relief—
 They could not go flying about in search
 Of their nest again, nor find a perch.
 They must brood where they fell in mulch and mire,
 Trusting feathers and inward fire
 Till daylight made it safe for a flyer.
 My greater grief was by so much reduced
 As I thought of them without nest or roost.
 That was how that grief started to melt.
 They tell me the cottage where we dwelt,
 Its wind-torn thatch goes now unmended;
 Its life of hundreds of years has ended
 By letting the rain I knew outdoors
 In on to the upper chamber floors.

ЗИМНИЙ РАЙ

Как зимний парк, ольшаник бел с утра,
Идет под солнцем кроличья игра,
И все напоминает райский сад,
Лишь снег не тает и деревья спят.

Все жители лесные перешли
На снег, ступенькой дальше от земли,
А ягодам, что стряхивает лес,
Ступенькой ближе стало до небес.

И на ступеньку выше стал теперь
Меж диких яблонь тощий зимний зверь.
И зайцам, и оленям — благодать:
Кору повыше можно обглодать.

Не ищут птицы пару для себя,
А дружной стаей почки теребя,
Друг друга учат, чтобы каждый мог
Понять, где спрятан лист, а где цветок.

Сигнальщик-дятел дважды стукнул в пень
И к двум часам закончен райский день.
Он слишком краток, этот день зимы,
Чтоб жизнь сполна почувствовали мы.

A WINTER EDEN

A winter garden in an alder swamp,
Where conies now come out to sun and romp,
As near a paradise as it can be
And not melt snow or start a dormant tree.

It lifts existence on a plane of snow
One level higher than the earth below,
One level nearer heaven overhead,
And last year's berries shining scarlet red.

It lifts a gaunt luxuriating beast
Where he can stretch and hold his highest feast
On some wild apple tree's young tender bark,
What well may prove the year's high girdle mark.

So near to paradise all pairing ends:
Here loveless birds now flock as winter friends,
Content with bud-inspecting. They presume
To say which buds are leaf and which are bloom.

A feather-hammer gives a double knock.
This Eden day is done at two o'clock.
An hour of winter day might seem too short
To make it worth life's while to wake and sport.

ПАВОДОК

Кровь дамбой удержать трудней, чем воду.
 Казалось, что, уже покорена,
 Бурлит за загородкою она,
 И все ж проломит выход на свободу.
 Виним мы в этом дьявола нередко,
 Но кровь сама из крови рождена.
 И нарастает паводка волна,
 Поднявшись до критической отметки.
 Есть поиск мира и тропа войны,
 Есть выход, смелый или не совсем,
 Но выбор сделан — это ясно всем.
 И вот опять идет накат волны,
 Вблизи потока листья — в красных пятнах.
 Не повернет стихия на попятный.

THE FLOOD

Blood has been harder to dam back than water.
 Just when we think we have it impounded safe
 Behind new barrier walls (and let it chafe!),
 It breaks away in some new kind of slaughter.
 We choose to say it is let loose by the devil;
 But power of blood itself releases blood.
 It goes by might of being such a flood
 Held high at so unnatural a level.
 It will have outlet, brave and not so brave.
 Weapons of war and implements of peace
 Are but the points at which it finds release.
 And now it is once more the tidal wave
 That when it has swept by leaves summits stained.
 Oh, blood will out. It cannot be contained.

ЗНАКОМСТВО С НОЧЬЮ

Я в ночь однажды углубиться смог.
Я вышел и пришел под шум дождя,
Забрел за самый дальний огонек,

По самым мрачным улицам пройдя.
Смотрели молчаливо сторожа,
Когда шагал, в глаза не глядя, я.

Короткий крик, над крышами кружа,
Поведал, что не все в округе спят.
Я встал, хотя не мне он угрожал,

Гнал не меня, звал не меня назад.
А надо мной, таинственно высок,
Едва мерцал небесный циферблат,

Неведомый отсчитывая срок...
Я в ночь однажды углубиться смог.

ACQUAINTED WITH THE NIGHT

I have been one acquainted with the night.
I have walked out in rain — and back in rain.
I have outwalked the furthest city light.

I have looked down the saddest city lane.
I have passed by the watchman on his beat
And dropped my eyes, unwilling to explain.

I have stood still and stopped the sound of feet
When far away an interrupted cry
Came over houses from another street,

But not to call me back or say good-by;
And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky

Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night.

ПЕСЧАНЫЕ ДЮНЫ

Зеленой волны напор
В песке испускает дух,
А дальше — иной простор,
Горяч, коричневы и сух.

Дюны — дети воды
Душат рыбацки дома,
Чтоб не ушел от беды
Кто уцелел в шторма.

Морю знаком каждый мыс,
Пещеры, скалы и дно,
Но человеческу мысль
Не победит оно.

Можно разрушить дом
И потопить баркас,
Лишь с меньшим идешь трудом,
Сбросив пустой каркас.

SAND DUNES

Sea waves are green and wet,
But up from where they die,
Rise others vaster yet,
And those are brown and dry.

They are the sea made land
To come at the fisher town,
And bury in solid sand
The men she could not drown.

She may know cove and cape,
But she does not know mankind
If by any change of shape,
She hopes to cut off mind.

Men left her a ship to sink:
They can leave her a hut as well;
And be but more free to think
For the one more cast-off shell.

СОЛДАТ

Он — как копье, что, завершив полет,
 Но курс на цель и на земле держа,
 Лежит в росе, его покрыла ржа,
 И большинство, наверно, не поймет,
 Была ли цель важна и дорога —
 Ведь человек излишне близорук,
 А сфер небесных много шире круг,
 Чем наших стрел короткая дуга.
 Они способны камень расколоть,
 Прорвать траву, в земной врезаясь шар,
 И по пути препятствия круша,
 Свалив на землю, убивают плоть.
 А дух в полет уходит, чтоб в конце
 Настигнуть нам неведомую цель.

A SOLDIER

He is that fallen lance that lies as hurled,
 That lies unlifted now, come dew, come rust,
 But still lies pointed as it plowed the dust.
 If we who sight along it round the world,
 See nothing worthy to have been its mark,
 It is because like men we look too near,
 Forgetting that as fitted to the sphere,
 Our missiles always make too short an arc.
 They fall, they rip the grass, they intersect
 The curve of earth, and striking, break their own;
 They make us cringe for metal-point on stone.
 But this we know, the obstacle that checked
 And tripped the body, shot the spirit on
 Further than target ever showed or shone.

ИНВЕСТИЦИЯ

Старели люди, жизнь тянулась мимо
(Сказать, что жили, можно бы с трудом).
Но вновь покрашен старый-старый дом
И громко зазвучало пианино.

Хозяин же, лопату взяв и вилы,
Чтоб до весны не думать о еде,
Трудился на картофельной гряде
И краем уха музыку ловил он.

А краска, инструмент — они откуда?
Шальные деньги, лотерейный приз?
Внезапной страсти временный каприз?
Иль им, вчерашним, захотелось чуда,

Чтоб не давил их груз совместных лет,
А были б в жизни музыка и цвет?

THE INVESTMENT

Over back where they speak of life as staying
(‘You couldn’t call it living, for it ain’t’),
There was an old, old house renewed with paint,
And in it a piano loudly playing.

Out in the plowed ground in the cold a digger,
Among unearthed potatoes standing still,
Was counting winter dinners, one a hill,
With half an ear to the piano’s vigor.

All that piano and new paint back there,
Was it some money suddenly come into?
Or some extravagance young love had been to?
Or old love on an impulse not to care —

Not to sink under being man and wife,
But get some color and music out of life?

ОТЧИЙ ДОМ

На этот склон взойдешь с трудом,
 Но там отец построил дом,
 Расчистил за ручьем покос
 И все оградю обнес.
 Здесь под горой за много лет
 Впервые увидали свет,
 Отца и мать, ручей и лес
 Двенадцать маленьких чудес.
 Смотрела ласково гора
 Как дети носятся с утра...
 Но ветер имена их стер
 (Не так зовут уже сестер).
 Где нас гора спустила с рук,
 Лес молодой растет вокруг.

ОХАПКА

Нагнешься за свалившимся кульком —
 Из рук сорвется банка кувырком,
 Бутылки, свертки падают, скользят,
 Их ухватить казалось бы нельзя.
 Но все, о чем заботишься, умеи
 Удерживать в руках, в душе, в уме
 И, если надо, способы найди
 Ничто не позабыть, прижать к груди...
 Я пробовал, но не хватило рук.
 Сижу, а все разбросано вокруг.
 Но все равно надеяться не брошу,
 Попробую сложить надежней ношу.

THE BIRTHPLACE

Here further up the mountain slope
 Than there was every any hope,
 My father built, enclosed a spring,
 Strung chains of wall round everything,
 Subdued the growth of earth to grass,
 And brought our various lives to pass.
 A dozen girls and boys we were.
 The mountain seemed to like the stir,
 And made of us a little while-
 With always something in her smile.
 Today she wouldn't know our name.
 (No girl's, of course, has stayed the same.)
 The mountain pushed us off her knees.
 And now her lap is full of trees.

THE ARMFUL

For every parcel I stoop down to seize
 I lose some other off my arms and knees,
 And the whole pile is slipping, bottles, buns-
 Extremes too hard to comprehend at once,
 Yet nothing I should care to leave behind.
 With all I have to hold with hand and mind
 And heart, if need be, I will do my best
 To keep their building balanced at my breast.
 I crouch down to prevent them as they fall;
 Then sit down in the middle of them all.
 I had to drop the armful in the road
 And try to stack them in a better load.

ВСАДНИКИ

Мы всадники — я это твердо знаю,
Мы вожак, хоть нет за нами стаи,
Мы скачем через земли и моря,
А в наши дни — и над землей паря.

Быть может, нас природа родила
Для скачки без уздечки и седла?
Летит малыш, на круп упав ничком,
Вцепившись в гриву детским кулачком.

Несется дикий конь без головы
Без курса, через заросли и рвы.
Его сдержать под силу нам едва ли,
Но мы не все еще попытки исчерпали.

RIDERS

The surest thing there is is we are riders,
And though none too successful at it, guiders,
Through everything presented, land and tide
And now the very air, of what we ride.

What is this talked-of mystery of birth
But being mounted bareback on the earth?
We can just see the infant up astride,
His small fist buried in the bushy hide.

There is our wildest mount—a headless horse.
But though it runs unbridled off its course,
And all our blandishments would seem defied,
We have ideas yet that we haven't tried.

ВЗГЛЯНУВ НА СОЗВЕЗДИЯ

Веками ничто не прервет небес тишину,
 Лишь облака набегут, созвездия скрыв,
 Да изредка вспыхнет сполохов нервный свет.
 Солнце на круге своем не заденет луну,
 Не вылетит пламя, не грохнет вселенский взрыв.
 Казалось, вот-вот скрестятся пути планет,
 Но не случаются бедствия никогда.
 Мы тоже можем дни доживать свои,
 От мирных небес глаза отводя туда,
 Где от перемен и ударов трезвеет ум.
 Ведь засуху сменит дождя долгожданный шум,
 А мир в Китае снова сменяют бои.
 И все же не стоит, теряя покой и сон,
 Ждать, что будет небесный свод сотрясен.
 Ведь участь этой надежды предreshена:
 Сегодня не будет нарушена тишина.

ON LOOKING UP BY CHANCE AT THE CONSTELLATIONS

You'll wait a long, long time for anything much
 To happen in heaven beyond the floats of cloud
 And the Northern Lights that run like tingling nerves.
 The sun and moon get crossed, but they never touch,
 Nor strike out fire from each other nor crash out loud.
 The planets seem to interfere in their curves
 But nothing ever happens, no harm is done.
 We may as well go patiently on with our life,
 And look elsewhere than to stars and moon and sun
 For the shocks and changes we need to keep us sane.
 It is true the longest drouth will end in rain,
 The longest peace in China will end in strife.
 Still it wouldn't reward the watcher to stay awake
 In hopes of seeing the calm of heaven break
 On his particular time and personal sight.
 That calm seems certainly safe to last to-night.

ИЗ КНИГИ
«НЕОГЛЯДНАЯ ДАЛЬ»

ВО ВРЕМЯ ЛИВНЯ

С налету, ливень, хлещи!
Способна вся твоя злость
По склону к морю стащить
Лишь почвы садовой горсть.

Дождь учит веками нас,
И фермеры знают о том,
Что польза будет сейчас,
А малый ущерб — потом.

А если случится так,
Что ливневой пеленой
Мой сад унесет в овраг,
С камней содрав перегной,

То волею высших сил
Вершины уйдут на дно,
В морях обнажится ил,
Останется мне одно:

Упрямо ползти назад,
Карабкаясь вверх на склон,
И снова возделать сад,
Молясь, чтоб прижился он.

Плугом ведя полосу,
Может в земле найду
Забытую мной косу,
Пригодную вновь к труду.

И если судьба опять
Сбросит и разорит,
Дай мне бог не устать
И не таить обид.

FROM THE BOOK
“A FURTHER RANGE”

IN TIME OF CLOUDBURST

Let the downpour roil and toil!
The worst it can do to me
Is carry some garden soil
A little nearer the sea.

'Tis the world old way of the rain
When it comes to a mountain farm
To exact for a present gain
A little of future harm.

And the harm is none too sure.
For when all that was rotted rich
Shall be in the end scoured poor,
When my garden has gone down ditch,

Some force has but to apply,
And summits shall be immersed,
The bottom of seas raised dry,
The slope of the earth reversed.

Then all I need do is run
To the other end of the slope
And on tracts laid new to the sun
Begin all over to hope.

Some worn old tool of my own
Will be turned up by the plow,
The wood of it changed to stone,
But as ready to wield as now.

May my application so close
To the endless repetition
Never make me tired and morose
And resentful of man's condition.

**СЕРДЦЕ НЕ БЬЕТСЯ
С РАССУДКОМ В ЛАД**

Я это видел (вправду или нет?),
 Когда сквозь полуночный лунный свет
 С нижней полки открылась мне
 Пустыня Юты в вагонном окне.
 Под звездным небом, внизу, одиноко,
 Вдали подрагивал огонек,
 Жалким мерцанием кое-как
 Отодвинуть пытаюсь мрак,
 Как будто люди у края земли
 В глухой тоске его развели.
 Пламя поникнет в короткий срок,
 Как последний в цветке лепесток...
 Но сердце не бьется с рассудком в лад,
 Я лучшую сказку поведаю рад,
 Где пламени дрожь — лишь тени игра,
 Где сберегают огонь костра,
 А надоест следить за огнем —
 Другой возьмет заботу о нем,
 Чтоб я, вернувшись через года,
 Нашел таким же его тогда.
 Я слышал как прозвучали в тиши
 Чьи-то слова: «Огонь потуши!»,
 И женщина молча кивнула в ответ:
 Пока хотят они, будет свет,
 А пожелают — погаснет свет.

**ON THE HEART'S BEGINNING
TO CLOUD THE MIND**

Something I saw or thought I saw
 In the desert at midnight in Utah,
 Looking out of my lower berth
 At moonlit sky and moonlit earth.
 The sky had here and there a star;
 The earth had a single light afar,
 A flickering, human pathetic light,
 That was maintained against the night,
 It seemed to me, by the people there,
 With a Godforsaken brute despair.
 It would flutter and fall in half an hour
 Like the last petal off a flower.
 But my heart was beginning to cloud my mind.
 I knew a tale of a better kind.
 That far light flickers because of trees.
 The people can burn it as long as they please;
 And when their interests in it end,
 They can leave it to someone else to tend.
 Come back that way a summer hence,
 I should find it no more no less intense.
 I pass, but scarcely pass no doubt,
 When one will say, "Let us put it out."
 The other without demur agrees.
 They can keep it burning as long as they please;
 They can put it out whenever they please.

Из темной комнаты ей видны
 Сгустки мрака в лучах луны.
 Это не люди — стволы сосняка
 Без скрытой цели, без вожака,
 Не сближаясь, молча стоят,
 Они никаких угроз не таят.
 И постепенно уходит страх
 Существованья в других местах
 И открывается важная вещь —
 Жизни порядок не так уж зловещ.
 Она и он — согласие душ,
 Не страшен им мир и люб ей муж.
 Уже не так одиноки они,
 Зная, что есть и другие огни.
 Но мне из поезда их не видать:
 Хозяева рано уходят спать.

Я видел все это, я не спал,
 Сквозь дым поверх мелькающих шпал
 Смотрел как вдаль огоньком неслись
 Другие люди, другая жизнь.

One looks out last from the darkened room
 At the shiny desert with spots of gloom
 That might be people and are but cedar,
 Have no purpose, have no leader,
 Have never made the first move to assemble,
 And so are nothing to make her tremble.
 She can think of places that are not thus
 Without indulging a "Not for us!"
 Life is not so sinister-grave.
 Matter of fact has made them brave.
 He is husband, she is wife.
 She fears not him, they fear not life.
 They know where another light has been
 And more than one, to theirs akin,
 But earlier out for bed tonight,
 So lost on me in my surface flight.

This I saw when waking late,
 Going by at a railroad rate,
 Looking through wreaths of engine smoke
 Far into the lives of other folk

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В НЕБЕСАХ

Ночную бурей тучи разнеслись,
Просвет открылся, выпала роса,
И я взглянул нетерпеливо ввысь,
Ища узор созвездий в небесах.

Но не видны меж тучами они,
Мои проводники в ночных мирах.
Лишь редких звезд неяркие огни;
И ощущая благодарный страх,

Потерянно шепчу издалека:
«Где я? Но нет, молчи, не надо слов,
Пусть шире разбегутся облака,
Я затеряться в космосе готов.»

LOST IN HEAVEN

The clouds, the source of rain, one stormy night
Offered an opening to the source of dew;
Which I accepted with impatient sight,
Looking for my old sky-marks in the blue.

But stars were scarce in that part of the sky,
And no two were of the same constellation —
No one was bright enough to identify;
So 'twas with not ungrateful consternation,

Seeing myself well lost once more, I sighed,
“Where, where in Heaven am I? But don't tell me!
O opening clouds, by opening on me wide.
Let's let my heavenly lostness overwhelm me.”

ЛИСТЬЯ ИЛИ ЦВЕТЫ?

Природа к деревьям очень добра:
 Прекрасны листва, древесина, кора,
 Но если корням не давать воды,
 Нечего ждать цветы и плоды.

А мне и не надо, чтоб дуб надо мной
 Давал урожай или цвел весной.
 Ласковость листьев и грубость коры —
 Вполне достаточные дары.

Карлик-цветок и гигантский ствол.
 Может лучше совсем бы не цвел?
 А в поздней жизни для мха черед
 На смену папоротнику придет.

Я спрашивал многих, скажи и ты:
 Что сердцу ближе — листва или цветы?
 Никто почему-то сказать не смог,
 Что лист — для ночи, для дня — цветок.

Листва и кора, листва и кора,
 Прижмись и слушай всю ночь до утра.
 Краса лепестков была хороша,
 В печали листьев теперь душа.

LEAVES COMPARED WITH FLOWERS

A tree's leaves may be ever so good,
 So may its bar, so may its wood;
 But unless you put the right thing to its root
 It never will show much flower or fruit.

But I may be one who does not care
 Ever to have tree bloom or bear.
 Leaves for smooth and bark for rough,
 Leaves and bark may be tree enough.

Some giant trees have bloom so small
 They might as well have none at all.
 Late in life I have come on fern.
 Now lichens are due to have their turn.

I bade men tell me which in brief,
 Which is fairer, flower or leaf.
 They did not have the wit to say,
 Leaves by night and flowers by day.

Leaves and bark, leaves and bark,
 To lean against and hear in the dark.
 Petals I may have once pursued.
 Leaves are all my darker mood.

СТУПАЯ ПО ЛИСТВЕ

Я целый день иду по листве,
от осени обессилев.
Листья разных цветов и форм
в грязь сапоги вмесили.
Может, истратил я лишних сил,
со страхом борясь по ходу,
Но все же без колебаний топчу
листья этого года.

Долгим летом где-то вверху
они надо мной шелестели,
Потом, кончая свой путь на земле,
мимо меня летели.
Долгим летом чудились мне
пугающие призывы
Вместе припасть к земле и забыть,
что были когда-то живы.

Они мое сердце манили в побег,
как своему, кричали,
В полете касались ресниц и губ,
звали к совместной печали.
Но их уход не послужит мне
поводом для ухода.
Выше колени! Мы ступим на снег
идущего следом года.

A LEAF-TREADER

I have been treading on leaves all day
until I am autumn-tired.
God knows all the color and forms of leaves
I have trodden on and mired.
Perhaps I have put forth too much strength
and been too fierce from fear.
I have safely trodden under foot
the leaves of another year.

All summer long they were overhead
more lifted up than I;
To come to their final place in earth
they had to pass me by.
All summer long I thought I heard them
threatening under their breath,
And when they came it seemed with a will
to carry me with them to death.

They spoke to the fugitive in my heart
as if it were leaves to leaf;
They tapped at my eyelids and touched my lips
with an invitation to grief.
But it was no reason I had to go
because they had to go.
Now up, my knee, to keep on top
of another year of snow.

СИЛЬНЫЕ НЕ ГОВОРЯТ

Земля влажна и мягка, чтобы сеять начать,
О будущих сорняках ей мало забот.
Мотыга свою одобряющую печать
Только на грядку отборных семян кладет.

Люди на пашнях по одиночке везде,
Закончить работу в неделе своем спеша,
Кто рассыпает цепочку семян в борозде,
Кто за телегою держит неровный шаг.

Почва в квадратах пашен свежа и черна,
А слива без листьев, но вся уже в белом цвету,
Хотя теплота по-весеннему неверна
И пчелы еще не спешат опылять красоту,

От фермы к ферме волнами ветер летит,
Но не несутся по ветру с земли голоса.
Много иль мало ждет за концом пути?
Сильный молчит, пока не увидит сам.

THE STRONG ARE SAYING NOTHING

The soil now gets a rumpling soft and damp,
And small regard to the future of any weed.
The final flat of the hoe's approval stamp
Is reserved for the bed of a few selected seed.

There is seldom more than a man to a harrowed piece.
Men work alone, their lots plowed far apart,
One stringing a chain of seed in an open crease,
And another stumbling after a halting cart.

To the fresh and black of the squares of early mould
The leafless bloom of a plum is fresh and white;
Though there's more than a doubt if the weather
is not too cold
For the bees to come and serve its beauty aright.

Wind goes from farm to farm in wave on wave,
But carries no cry of what is hoped to be.
There may be little or much beyond the grave,
But the strong are saying nothing until they see.

СКОРОСТЬ

Порывы бури, скорость горных рек,
 А мы быстрее, чем ветер и вода:
 Сквозь свет взлетает в небо человек,
 Летит сквозь время в прошлые года.
 И все же смысл движения таков,
 Что важно не поспешно рваться в бой,
 А в мусорном потоке пустяков
 Уметь стоять, уметь владеть собой,
 Глядеть вокруг, сочувствовать, любить.
 И если двое видят этот смысл,
 Их не смести и не разъединить.
 Их общая соединяет мысль,
 Что жизнь продлится вечно и светло,
 Пока к веслу весло, к крылу крыло.

ЛУННЫЙ ЦИРКУЛЬ

Я вышел в ночь из дома, уловив
 Меж двух дождей короткий перерыв.
 Лучи луны сквозь облачный просвет
 Обрисовали горный силуэт,
 К которому, за тучей не видна,
 Примеривалась циркулем луна,
 Как будто силясь сквозь сырую муть
 Любви навстречу руки протянуть...

THE MASTER SPEED

No speed of wind or water rushing by
 But you have speed far greater. You can climb
 Back up a stream of radiance to the sky,
 And back through history up the stream of time.
 And you were given this swiftness, not for haste
 Nor chiefly that you may go where you will,
 But in the rush of everything to waste,
 That you may have the power of standing still —
 Off any still or moving thing you say.
 Two such as you with such a master speed
 Cannot be parted nor be swept away
 From one another once you are agreed
 That life is only life forevermore
 Together wing to wing and oar to oar.

MOON COMPASSES

I stole forth dimly in the dripping pause
 Between two downpours to see what there was.
 And a masked moon had spread down compass rays
 To a cone mountain in the midnight haze,
 As if the final estimate were hers;
 And as it measured in her calipers,
 The mountain stood exalted in its place.
 So love will take between the hands a face....

НЕ ВДАЛЬ И НЕ ВГЛУБЬ

Держатся на берегу
Люди прибрежных стран
Спинами к материку,
Взглядами в океан.

Ползет вдали пароход,
Скрываясь за оком,
Чайка над зеркалом вод
Висит, отражаясь в нем.

На суше столько дорог,
Каждому выбор дан,
Но волны лижут песок,
А люди глядят в океан.

Их взгляд не пронзает даль,
Не достает до дна...
Для вахты такой едва ль
Преграда есть хоть одна.

NEITHER OUT FAR NOR IN DEEP

The people along the sand
All turn and look one way.
They turn their back on the land.
They look at the sea all day.

As long as it takes to pass
A ship keeps raising its hull;
The wetter ground like glass
Reflects a standing gull

The land may vary more;
But wherever the truth may be—
The water comes ashore,
And the people look at the sea.

They cannot look out far.
They cannot look in deep.
But when was that ever a bar
To any watch they keep?

ЯСНО И ХОЛОДНО

Снова ветер нам приносит
 Межсезонье, убыль света
 И рецепт коктейля «Осень»
 В книге ведьминых советов:
 Вскипяти остатки лета,

Не размешивай в сосуде,
 Дай основе отстояться
 (Так для предсказания судеб
 Звезды-крошки не годятся).

В эликсир добавить надо
 Ливни, желтый лист березы,
 Ветер с севера Канады,
 Предвещающий морозы,
 Не учтенные прогнозом.

Сверху всыпать снежной пудры
 То ли ведьмы обучали,
 То ль мороз осенним утром
 (А не дьявольские чары).

Днями ждем как в эликсире
 Зреет дух — надежда многих,
 И к его пьянящей силе
 Люди тянутся, и боги
 В небесах не слишком строги.

CLEAR AND COLDER

Wind, the season-climate mixer,
 In my Witches' Weather Primer
 Says, to make this Fall Elixir
 First you let the summer simmer,
 Using neither spoon nor skimmer,

Till about the right consistence.
 (This like fate by stars is reckoned,
 None remaining in existence
 Under magnitude the second.)

Then take some leftover winter
 Far to north of the St Lawrence.
 Leaves to strip and branches splinter,
 Bring on wind. Bring rain in torrents—
 Colder than the season warrants.

Dash it with some snow for powder.
 If this seems like witchcraft rather,
 If this seems a witches' chowder
 (All my eye and Cotton Mather!),

Wait and watch the liquor settle.
 I could stand whole dayfuls of it.
 Wind she brews a heady kettle.
 Human beings love it—love it.
 Gods above are not above it.

НЕУБРАННЫЙ УРОЖАЙ

Остановил мой привычный путь
Спелости запах из-за стены,
И я, решив туда заглянуть,
Увидел яблоню налегке,
Свалившую летний груз со спины.
Листва, как веер в женской руке,
Дыша, испускала чуть слышный звук.
Внизу было тесно опавшим плодам
И был безупречен их алый круг
Как плод, что в ладони держал Адам.

Не надо все убирать в закрома!
Пусть что-то природа решает сама,
И в краже не будет никто виноват,
Неубранных яблок вдохнув аромат.

UNHARVESTED

A scent of ripeness from over a wall.
And come to leave the routine road
And look for what has made me stall,
There sure enough was an apple tree
That had eased itself of its summer load,
And of all but its trivial foliage free,
Now breathed as light as a lady's fan.
For there there had been an apple fall
As complete as the apple had given man.
The ground was one circle of solid red.

May something go always unharvested!
May much stay out of our stated plan,
Apples or something forgotten and left,
So smelling their sweetness would be no theft.

СУРОВЫЕ МЕСТА

Мы, сидя в тепле, обсуждали приход зимы,
 А дом содрогался на штормовом ветру.
 Но был он проверенно-крепок и думали мы:
 Выживет деревце или умрет к утру?
 Кто его вытащил в холод полярной тьмы?
 Саженцу персика север не по зубам.
 Двигал хозяином разум или душа?
 Может задача сама по себе хороша —
 Освоить Арктику всем живым существам,
 Против природы, возможно, порой греша.
 Но почему так трудно поверить нам,
 Что, хоть размыта грань меж добром и злом,
 В суровых местах свои законы всегда.
 Этому деревцу нам не помочь ни в чем,
 Но ощущаем что-то вроде стыда
 Сейчас, когда шторм врывается напролом
 И круто падает вниз в термометре ртуть.
 Нет на деревце листьев, может уже до конца,
 Правду узнаем весною когда-нибудь,
 Но ежели к жизни его не судьба вернуть,
 Виною — черта беспредела в людских сердцах.

THERE ARE ROUGHLY ZONES

We sit indoors and talk of the cold outside.
 And every gust that gathers strength and heaves
 Is a threat to the house. But the house has long been tried.
 We think of the tree. If it never again has leaves,
 We'll know, we say, that this was the night it died.
 It is very far north, we admit, to have brought the peach.
 What comes over a man, is it soul or mind
 That to no limits and bounds he can stay confined?
 You would say his ambition was to extend the reach
 Clear to the Arctic of every living kind.
 Why is his nature forever so hard to teach
 That though there is no fixed line between wrong and right,
 There are roughly zones whose laws must be obeyed.
 There is nothing much we can do for the tree tonight.
 But we can't help feeling more than a little betrayed
 That the northwest wind should rise to such a height
 Just when the cold went down so many below.
 The tree has no leaves and may never have them again.
 We must wait till some months hence in the spring to know.
 But if it is destined never again to grow,
 It can blame this limitless trait in the hearts of men.

ИЗ КНИГИ
«ДЕРЕВО-СВИДЕТЕЛЬ»

НЕ СЛИШКОМ ДРУЖЕСКИ

Кто-то к моим поступкам относится хорошо,
А остальные не строго бы, но покарали.
Не то, чтоб черту запрета я перешел,
Но выходил за рамки принятых норм морали.

Был бы ошибкой слишком суровый суд
За подтвержденье знакомой давно аксиомы,
Что людям тесно на привязи и пользы не принесут
Высокие стены города, что выше любого дома.

В насмешку заприте в пределах земли меня,
Я здесь, но свободней, чем вы, наверно, желали
И улыбаюсь, за бестолковость вас не виня,
Но причислять к мятежникам можно меня едва ли.

Приговорить меня к казни каждый, наверно, бы мог,
Но пусть приговор в исполненье приводит природа,
И я уплачу покаянья посмертный налог,
Выдохнув в воздух земли, откуда я родом.

FROM THE BOOK
"A WITNESS TREE"

NOT QUITE SOCIAL

Some of you will be glad I did what I did,
And the rest won't want to punish me too severely
For finding a thing to do that though not forbid
Yet wasn't enjoined and wasn't expected clearly.

To punish me over cruelly wouldn't be right
For merely giving you once more gentle proof
That the city's hold on a man is no more tight
Than when its walls rose higher than any roof.

You may taunt me with not being able to flee the earth.
You have me there, but loosely as I would be held.
The way of understanding is partly mirth.
I would not be taken as ever having rebelled.

And anyone is free to condemn me to death
If he leaves it to nature to carry out the sentence.
I shall will to the common stock of air my breath
And pay a death-tax of fairly polite repentance.

БУК

Там где земли моей нарез
Незримым клином входит в лес,
Среди камней железный шест поставлен.
А рядом с вехой межевой —
Бук, поврежденный, но живой,
Где на стволе глубокий шрам оставлен.
И раненый свидетель-бук,
Дает понять, что жизни круг,
Как и земли надел, не безграничен.
Мы это знаем с давних лет,
Но темен мир, покоя нет,
И разум наш к сомнениям привычен.

BEECH

Where my imaginary line
Bends square in woods, an iron spine
And pile of real rocks have been founded.
And off this corner in the wild,
Where these are driven in and piled,
One tree, by being deeply wounded,
Has been impressed as Witness Tree
And made commit to memory
My proof of being not unbounded.
Thus truth's established and borne out,
Though circumstanced with dark and doubt —
Though by a world of doubt surrounded.

ВОЙДИ!

Я у леса застыл на краю:
Трель выводит дрозд.
Гаснет день, а в лесу уже мрак —
Ни луны, ни звезд.

Не позволят усилия крыл
До темна успеть
Приготовить для птицы ночлег,
Можно только спеть.

Канул солнца оставшийся луч
За земли конец,
Но последнюю песню в груди
Сохранил певец.

Эта песня летит за стволы
В даль, где сумрак густ,
Будто манит идти за собой
В темноту и грусть.

Только я не шагну из-под звезд
В леса мрачный зал,
Даже если меня позовут...
А никто не звал.

COME IN

As I came to the edge of the woods,
Thrush music — hark!
Now if it was dusk outside,
Inside it was dark.

Too dark in the woods for a bird
By sleight of wing
To better its perch for the night,
Though it still could sing.

The last of the light of the sun
That had died in the west
Still lived for one song more
In a thrush's breast.

Far in the pillared dark
Thrush music went —
Almost like a call to come in
To the dark and lament.

But no, I was out for stars;
I would not come in.
I meant not even if asked;
And I hadn't been.

ШЕЛКОВЫЙ ШАТЕР

Она — как в поле шелковый шатер,
Где от дыхания солнечного дня
Сошла роса и ослабел напор
Растяжек из упругого ремня,
Так, что держащий ткань кедровый шест,
Вершиною нацеленный в зенит,
Как символ убежденности в душе,
Сам по себе, казалось бы, стоит,
Но тянется, невидим и упруг,
Любви и веры нитей тонкий шелк
К земному, ко всему, что есть вокруг,
И если ветер по полю прошел
И хоть одна из нитей напряглась,
То, значит, с миром сохранилась связь.

THE SILKEN TENT

She is as in a field a silken tent
At midday when the sunny summer breeze
Has dried the dew and all its ropes relent,
So that in guys it gently sways at ease,
And its supporting central cedar pole,
That is its pinnacle to heavenward
And signifies the sureness of the soul,
Seems to owe naught to any single cord,
But strictly held by none, is loosely bound
By countless silken ties of love and thought
To everything on earth the compass round,
And only by one's going slightly taut
In the capriciousness of summer air
Is of the slightest bondage made aware.

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

I.

Сквозь листопад тех давних лет
 Холодный пробивался свет,
 А ветер креп, он шел вразнос,
 Расшвыривал листву берез.
 И я ему себя вручил
 Хоть он, казалось, к смерти нес.
 Меня сквозь пыль он волочил,
 А я слагал обрывки фраз
 И пел про смерть, но знал ли я,
 Что надо встретить смерть не раз,
 Покуда не придет твоя!?
 Должны мы помнить или нет,
 Что в скорбной песне детских лет
 Звучит пророческий наказ?
 Но был бы грех оставить в ней
 Лишь половину бытия,
 Лишь доброту без капли зла,
 Ведь все, что было нам видней
 В горчащем счастье юных дней,
 Жизнь не исполнить не могла.

THE WIND AND THE RAIN

I.

That far off day the leaves in flight
 Were letting in the colder light.
 A season-ending wind there blew
 That, as it did the forest strew,
 I leaned on with a singing trust
 And let it drive me deathward too.
 With breaking step I stabbed the dust,
 Yet did not much to shorten stride.
 I sang of death—but had I known
 The many deaths one must have died
 Before he came to meet his own!
 Oh, should a child be left unwarned
 That any song in which he mourned
 Would be as if he prophesied?
 It were unworthy of the tongue
 To let the half of life alone
 And play the good without the ill.
 And yet 'twould seem that what is sung
 In happy sadness by the young,
 Fate has no choice but to fulfill.

II.

Пустыня расцветет тогда,
 Когда дойдет
 Со снежных гор в пески сквозь водовод
 К корням вода.
 Но что-то в этом верно не всегда.
 Не враз от влаги оживет росток,
 Склоняя стебель водяному богу,
 Но чтобы землю оросил поток,
 Пусть в облака сгущаются моря,
 Не взявши соль в дорогу,
 И выплеснутся, жизнь цветам даря.
 Волна с небес накатит торопливо,
 Пусть лепестки срывает — не беда,
 Лишь завязь не затронула б вода,
 А чем сильнее меня полощет ливень,
 Тем со стихией крепче связь моя.

Желают пить не только рот и корни,
 Пусть тяжесть ливня примет голова,
 Пусть тело будет жажде не покорно!

И здесь не к месту лишние слова.

Струей дождя пьянишься как вином,
 Как лаской света солнечного в нем.

И я из дома в мой любимый час
 Сбегал не раз,
 Когда по вечерам с небес лилось —
 Лицом к терявшим тяжесть облакам,
 И струи растекались по щекам
 Взамен забытых слез.

II.

Flowers in the desert heat
 Contrive to bloom
 On melted mountain water led by flume
 To wet their feet.
 But something in it is still incomplete.
 Before I thought the wilted to exalt
 With water I would see them water-bowed.
 I would pick up all ocean less its salt,
 And though it were as much as cloud could bear
 Would load it onto cloud,
 And rolling it inland on roller air,
 Would empty it unsparing on the flower
 That past its prime lost petals in the flood
 (Who cares but for the future of the bud?),
 And all the more mightier the shower
 Would run in under it to get my share.

'Tis not enough on roots and in the mouth,
 But give me water heavy on the head
 In all the passion of a broken drouth.

And there is always more than should be said.

As strong as rain without as wine within,
 As magical as sunlight on the skin.

I have been one no dwelling could contain
 When there was rain;
 But I must forth at dusk, my time of day,
 To see the unburdening of the skies.
 Rain was the tears adopted by my eyes
 That have none left to stay.

ВОТ И ВСЁ

Ему казалось — в мире он один,
Он в даль кричал и отклика искал,
Но свой же крик обратно приходил
Смешливым эхом от прибрежных скал.

С камней, теснящих озера простор,
Он звал ее и был на все готов,
Лишь бы ответил не пустой повтор,
А подлинная встречная любовь.

И день пришел, далекий звук возник,
С хребта скатилась точка под откос,
На берегу раздвинулся тростник
И ветер всплеск над озером разнес.

Уже виднелись контуры пловца,
Их высветил безжалостный рассвет,
Но вместо человеческого лица
Другой обрисовался силуэт.

Олень-красавец вышел из волны,
Он галечную осыпь пересек,
И стряхивая воду со спины,
Преодолея подлесок... Вот и все.

THE MOST OF IT

He thought he kept the universe alone;
For all the voice in answer he could wake
Was but the mocking echo of his own
From some tree-hidden cliff across the lake.

Some morning from the boulder-broken beach
He would cry out on life, that what it wants
Is not its own love back in copy speech,
But counter-love, original response.

And nothing ever came of what he cried
Unless it was the embodiment that crashed
In the cliff's talus on the other side,
And then in the far distant water splashed,

But after a time allowed for it to swim,
Instead of proving human when it neared
And someone else additional to him,
As a great buck it powerfully appeared,

Pushing the crumpled water up ahead,
And landed pouring like a waterfall,
And stumbled through the rocks with horny tread,
And forced the underbrush—and that was all.

И ПЕСНИ ПТИЦ ПО-НОВОМУ ЗВУЧАТ

Он говорил и верил в это сам,
Что стаи птиц на яблоневых кронах,
Услышав песню Евы, в голоса
Вплетали ноты новых обертонов.

Она вела мелодию без слов
И нежный голос поднимался ввысь,
Туда где птиц по воздуху несло,
Тех, что от шума с веток сорвались.

Слились с земли и неба голоса
В единый удивительный напев
И эти звуки наполняли сад,
Казалось, затихать не захотев.

И песни птиц по-новому звучат
С тех пор как Ева приходила в сад.

NEVER AGAIN WOULD BIRDS' SONG BE THE SAME

He would declare and could himself believe
That the birds there in all the garden round
From having heard the daylong voice of Eve
Had added to their own an oversound,

Her tone of meaning but without the words.
Admittedly an eloquence so soft
Could only have had an influence on birds
When call or laughter carried it aloft.

Be that as may be, she was in their song.
Moreover her voice upon their voices crossed
Had now persisted in the woods so long
That probably it never would be lost.

Never again would birds' song be the same.
And to do that to birds was why she came.

ДОМОЙ!

Темнеет, ему пора домой повернуть,
 Но ничего не видать сквозь летящий снег.
 Давит на плечи густая белая муть,
 Сбивая дыханье, как кот младенцу во сне^{*}.

Хлопья навалит и тут же сдует метель,
 Толкает в грудь, чтоб он, как будто в седло,
 Впечатался в снег и трезво выверил цель,
 Пока весь путь не полностью замело.

Он хочет дойти до дверей и значит дойдет,
 Цену и цель осозная с трудом,
 Нащупает ручку и взглянет на тех кто ждет,
 Чтоб он пришел, пусь запоздавши, в дом.

WILLFUL HOMING

It is getting dark and time he drew to a house,
 But the blizzard blinds him to any house ahead.
 The storm gets down his neck in an icy souse
 That sucks his breath like a wicked cat in bed.

The snow blows on him and off him, exerting force
 Downward to make him sit astride a drift,
 Imprint a saddle, and calmly consider a course.
 He peers out shrewdly into the thick and swift.

Since he means to come to a door he will come to a door,
 Although so compromised of aim and rate
 He may fumble wide of the knob a yard or more,
 And to those concerned he may seem a little late.

^{*} Прим. переводчика: в англоязычной литературе распространена легенда о том, что кошки могут удушить спящих младенцев, ложась на них, привлеченные теплотой тела и запахом молока.

ПЕРЕДЫШКА

Все улеглось, когда на краткий миг
 Он замер на подъеме, осознав,
 Что склоны гор — страницы старых книг,
 Где вместо слов — узор цветов и трав.
 Ловя наощупь эти письмена,
 В кизил и майник вчитывался он,
 А те — земле дарили семена.
 Лежал перед глазами горный склон
 И отражались в зеркале лица
 Навеянные чтением мечты,
 А не вражда жестокого бойца.
 И этот дух упрямой доброты,
 Пройдя сквозь дел и верований шум,
 Наполнит тихим просветленьем ум.

TIME OUT

It took that pause to make him realize
 The mountain he was climbing had the slant
 As of a book held up before his eyes
 (And was a text albeit done in plant.)
 Dwarf cornel, gold-thread, and maianthemum,
 He followingly fingered as he read,
 The flowers fading on the seed to come;
 But the thing was the slope it gave his head:
 The same for reading as it was for thought,
 So different from the hard and level stare
 Of enemies defied and battles fought.
 It was the obstinately gentle air
 That may be clamored at by cause and sect
 But it will have its moment to reflect.

ВТОРЖЕНИЕ

Да, без ограды мои поля,
 Нет, я не портил табличками лес,
 Но это все же моя земля
 И кто-то в мой мир беззаконно влез.

Свободно, будто участок ничей,
 Вины не чувствуя никакой,
 Он грубо тревожит мой лес и ручей,
 А я с утра потерял покой.

Он может книги камней листать
 Где трилобитов впечатан след.
 Их много находят в наших местах,
 Законов особых на это нет.

Мне ведь не жалко этих вещей,
 Крабов таких не один и не два,
 Но он не хочет понять вообще,
 Что кто-то на что-то имеет права.

Но вдруг он в мой постучался дом,
 Воды попросив, стоял у дверей.
 Я в этот предлог поверил с трудом,
 Но вновь земля моя стала моей.

TRESPASS

No, I had set no prohibiting sign,
 And yes, my land was hardly fenced.
 Nevertheless the land was mine:
 I was being trespassed on and against.

Whoever the surly freedom took
 Of such an unaccountable stay
 Busying by my woods and brook
 Gave me a strangely restless day.

He might be opening leaves of stone,
 The picture book of the trilobite,
 For which the region round was known,
 And in which there was little property right.

'Twas not the value I stood to lose
 In specimen crab in specimen rock,
 But his ignoring what was whose
 That made me look again at the clock.

Then came his little acknowledgement:
 He asked for a drink at the kitchen door,
 An errand he may have had to invent,
 But it made my property mine once more.

ИЗ КНИГИ
«ТАВОЛГА»

ВАЖНЫЙ ШАГ С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ

На карте среди холмов
Смешной головастик лег:
Головка — озеро, синий хвост —
Впадающий ручеек.

А точка с названием при ней
Видна на карте с трудом,
Но в том городке смогли мы купить
Почти что задаром дом.

Оставив машину в грязи,
Мы постучались в дверь
И в дом вошли, который нашли,
Который стал наш теперь.

Три века идут сюда
Семья за семьей вслед.
А за холмами — наш океан
На триста будущих лет.

Мы порознь, но не врозь
Овец пасем и коров,
Мы пашем землю, косим траву,
Свой хлеб бережем и кров.

И будет у нас впереди
Поток новостей из газет,
Сто тысяч дней, полдюжины войн
И сорок один президент.

FROM THE BOOK
“STEEPLE BUSH”

A SERIOUS STEP LIGHTLY TAKEN

Between two burrs on the map,
Was a hollow-headed snake.
The burrs were hills, the snake was a stream,
And the hollow head was a lake.

And the dot in front of a name
Was what should be a town.
And there might be a house we could buy
For only a dollar down.

With two wheels low in the ditch
We left our bailing car,
And knocked at the door of a house we found,
And there today we are.

It is turning three hundred years
On our cisatlantic shore
For family after family name.
We'll make it three hundred more

For our name farming here,
Aloof yet not aloof,
Enriching soil and increasing stock,
Repairing fence and roof,

A hundred thousand days
Of front-page paper events,
A half a dozen major wars,
And forty-five presidents.

ЮНАЯ БЕРЕЗКА

Прорвав нежно-зеленый внешний слой,
 Березка белый ствол открыла свой.
 Кто ценит нежность юношеских лет,
 Ее заметит. Этот белый цвет
 День удлинит, а в темноте густой
 Призывно засияет берестой.
 Вся в белом, лишь верхушка зелена,
 Непугано-доверчива она,
 Позволив ветру, как никто в лесу,
 Трепать ее зеленую косу.
 Когда-нибудь однажды вспомнишь ты,
 Как, вырубая под стеной кусты,
 Не поднял на березку свой топор.
 Тростинка эта выросла с тех пор.
 Пруток, что лишь для удочки б сошел,
 Преобразился в настоящий ствол.
 Пусть каждый, кто помочь тебе придет,
 Березку теплым взглядом обведет,
 Пусть не посмеет причинить ей вред,
 Неважно, ты в отъезде или нет.
 Она вошла к нам в жизнь, и неспроста
 Дарована нам эта красота.

A YOUNG BIRCH

The birch begins to crack its outer sheath
 Of baby green and show the white beneath,
 As whosoever likes the young and slight
 May well have noticed. Soon entirely white
 To double day and cut in half the dark
 It will stand forth, entirely white in bark,
 And nothing but the top a leafy green
 The only native tree that dares to lean,
 Relying on its beauty, to the air.
 (Less brave perhaps than trusting are the fair.)
 And someone reminiscent will recall
 How once in cutting brush along the wall
 He spared it from the number of the slain,
 At first to be no bigger than a cane,
 And then no bigger than a fishing pole,
 But now at last so obvious a bole
 The most efficient help you ever hired
 Would know that it was there to be admired,
 And zeal would not be thanked that cut it down
 When you were reading books or out of town.
 It was a thing of beauty and was sent
 To live its life out as an ornament.

**ПИСЬМО БЕЗ МАРКИ
В СЕЛЬСКОМ ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ**

От лая пса покоя нет,
Вы, глядя в ночь, включали свет,
А утром, будто бы само
Возникло в ящике письмо
Без марки. Я вам написал,
Что некто, сделавши привал,
В угодьях ваших ночевал.
Там елки юные паслись,
Тузами пик топорщась ввысь,
И в темноте их ровный ряд
Мне городской напомнил сад.
Я лег на лапнике густом
Под можжевельным кустом,
А он, от холода храня,
Укутал ветками меня,
И я уснул, к земле спиной,
Лицом к вселенной надо мной,
Но вволю выспаться не смог:
Какой-то камень впился в бок.
Он сквозь траву меня достал,
Но я ворочаться не стал,
Чтоб драгоценное тепло
В холодный мрак не утекло.
Внезапно свет наискосок
Ночное небо пересек:
То две звезды в одну слились
И, полыхнув, скатались вниз.

**AN UNSTAMPED LETTER
IN OUR RURAL LETTER BOX**

Last night your watchdog barked all night,
So once you rose and lit the light.
It wasn't someone at your locks.
No, in your rural letter box
I leave this note without a stamp
To tell you it was just a tramp
Who used your pasture for a camp.
There, pointed like the pip of spades,
The young spruce made a suite of glades
So regular that in the dark
The place was like a city park.
There I elected to demur
Beneath a low-slung juniper
That like a blanket on my chin
Kept some dew out and some heat in,
Yet left me freely face to face
All night with universal space.
It may have been at two o'clock
That under me a point of rock
Developed in the grass and fern,
And as I woke afraid to turn
Or so much as uncross my feet,
Lest having wasted precious heat
I never should again be warmed,
The largest firedrop ever formed
From two stars' having coalesced
Went streaking molten down the west.

И ваш бродяга-звездочет
 В тот миг отдал себе отчет,
 Что луч, пронизывавший мрак,
 Душа восприняла как знак,
 И два виденья давних дней
 В глубинах памяти моей
 Слились, и проступил ответ
 На то, что люди много лет
 Впустую пробуют постичь...
 Я вас прошу меня простить,
 Мой неожиданный лендлорд,
 Что я событьем этим горд.
 А вдруг и ваш заметил взор,
 Сквозь пелену помятых штор,
 Знак, что нам дарят небеса,
 Но каждый понимает сам?
 У вас свой опыт, свой удел,
 На ферме много было дел
 За все прошедшие года,
 Ночевки в поле иногда —
 Нет урожая без труда.
 И я, наверно, потому
 Решил довериться письму,
 Чтобы дошло наверняка
 Бесплатной почтой бедняка.

And then your tramp astrologer
 From see this undoubted stir
 In Heaven's firm-set firmament,
 Himself had the equivalent,
 Only within. Inside the brain
 Two memories that long had lain
 Now quivered toward each other, lipped
 Together, and together slipped,
 And for a moment all was plain
 That men have though about in vain.
 Please, my involuntary host,
 Forgive me if I seem to boast.
 'Tis possible you may have seen
 Albeit through a rusty screen,
 The same sign Heaven showed your guest.
 Each knows his own discernment best
 You have had your advantages.
 Things must have happened to you, yes
 And have occurred to you no doubt,
 If not indeed from sleeping out,
 Then from the work you went about
 In farming well — or pretty well.
 And it is partly to compel
 Myself, in forma pauperis,
 To say as much as I wrote you this.

ИЗ КНИГИ
«НА ВЫРУБКЕ»

ДОРОГА

Дорога, что вверх идет
Казалось, исчезла уже,
Начав в небеса полет.
Но дальше на вираже,

Вернувшись, нырнула в лес
И замерла в тишине,
Уйдя под зеленый навес.
И представляется мне,

Что движет горячая смесь
Машины послушную сталь
Лишь там, где дорога есть.
Близость связав и даль,

Не может помочь бензин
Покой и полет познать,
Что дарит всевышняя синь
И леса зеленая гладь.

FROM THE BOOK
"IN THE CLEARING"

THE MIDDLENESS OF THE ROAD

The road at the top of the rise
Seems to come to an end
And take off into the skies.
So at the distant bend

It seems to go into a wood,
The place of standing still
As long the trees have stood.
But say what Fancy will,

The mineral drops that explode
To drive my ton of car
Are limited to the road.
They deal with near and far,

But have almost nothing to do
With the absolute flight and rest
The universal blue
And local green suggest.

УХОД

Иду в дорогу,
Где вечность ждет,
И обувь ногу
Уже не жмет.

Друзья садятся
За общий стол...
Прощайте, братцы,
А я ушел.

Не доверяю
Чужим следам,
Не так из рая
Ушел Адам.

Забудьте догмы
Библейских тем,
Ведь я не прогнан
Никем, ни с кем.

Иду за песней:
"I'm — bound — away!",
Покуда честно
Я верю ей.

Но может все же
Вернусь опять,
Коль смерть не сможет
Урок мне дать.

AWAY!

Now I out walking
The world desert,
And my shoe and my stocking
Do me no hurt.

I leave behind
Good friends in town.
Let them get well-wined
And go lie down.

Don't think I leave
For the outer dark
Like Adam and Eve
Put out of the Park.

Forget the myth.
There is no one I
Am put out with
Or put out by.

Unless I'm wrong
I but obey
The urge of a song:
I'm — bound — away!

And I may return
If dissatisfied
With what I learn
From having died.

* «Я ухожу!» — припев народной американской песни
«Oh, Shenandoah!», любимой Фростом

НАВСЕГДА

У путников прошлых лет
 За многое я в долгу:
 Они проложили след,
 Которым идти могу.
 Давно их голос умолк,
 И мой невозвратен долг.

Они никогда не решат
 Коней назад повернуть,
 Браня за неспешный шаг,
 С дороги меня спугнуть.
 Спешат они неспроста:
 Другие их ждут места.

Теперь я иду один
 По алому октябрю
 И кронам берез и осин
 Мысленно говорю:
 «Дорогу одели вы
 В пылающий цвет листвы,

Но вскоре погаснет лес,
 Солнце покинет зенит,
 Падет белизна с небес
 И легкий снег оттит
 По всей дороге лесной
 Листьев узор резной.»

Оттиск моих следов
 Прервется когда-нибудь.
 Ну что ж, я буду готов
 Доверить дальнейший путь
 Следам мышинным и лисьим
 Поверх заснеженных листьев.

CLOSED FOR GOOD

Much as I own I owe
 The passers of the past
 Because their to and fro
 Has cut this road to last,
 I owe them more today
 Because they've gone away

And not come back with steed
 And chariot to chide
 My slowness with their speed
 And scare me to one side.
 They have found other scenes
 For haste and other means.

They leave the road to me
 To walk in saying naught
 Perhaps but to a tree
 Inaudibly in thought,
 "From you the road receives
 A priming coat of leaves.

"And soon for lack of sun
 The prospects are in white
 It will be further done,
 But with a coat so light
 The shape of leaves will show
 Beneath the brush of snow."

And so on into winter
 Till even I have ceased
 To come as a foot printer,
 And only some slight beast
 So mousy or so foxy
 Shall print there as my proxy.

СОДЕРЖАНИЕ

«ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ»	4
Домпризрак	4
Ноябрьская гостья	6
В долине	8
Спящая боль	10
Отверженные	10
Окна закрой	12
Песня в осеннюю бурю	14
Октябрь	16
Раздумье	18
«К СЕВЕРУ ОТ БОСТОНА»	20
После сбора яблок	20
Перед сном	24
«МЕЖДУ ГОРАМИ»	26
Другая дорога	26
Беззащитное гнездо	28
Уцелевший снежный клочок	32
Телефон	34
Встретились и прошли	36
Лягушачий ручей	38
Привязанная и свободная	40
Подпорки для гороха	42
Заложить семя	44
Собиратель смолы	46
Шум деревьев	50
«НЬЮ-ГЕМПШИР»	52
Кусочки сини	52
Огонь и лед	52
Снежная пыль	54
Цель — песня	56
День синих мотыльков	58
Вступление	60
Прощай, храни холод	62
Ручей в городе	64
Вспоминая зимой вечернюю птицу	66
День поющей долины	68
О дереве упавшем поперек дороги	70
Оттепель на склоне	72
Наша песенная сила	74
Понять природу	78
«ЗАПАДНАЯ РЕКА»	80
Весенние лужи	80
Вольная луна	82

CONTENT

“A BOY’S WILL”	5
Ghost house	5
My november guest	7
In a vale	9
A dream pang	11
In neglect	11
Now close the windows	13
A linstorm song	15
October	17
Reluctance	19
“NORTH OF BOSTON”	21
After applepicking	21
Good hours	25
“MOUNTAIN INTERVAL”	27
The road not taken	27
The exposed nest	29
A patch of old snow	33
The telephone	35
Meeting and passing	37
Hyla brook	39
Bond and free	41
Pea brush	43
Putting in the seed	45
The gumgatherer	47
The sound of trees	51
“NEW HAMPSHIRE”	53
Fragmentary blue	53
Fire and ice	53
Dust of show	55
The aim was song	57
Bluebutterfly day	59
The onset	61
Goodbye and keep cold	63
A brook in the city	65
Looking for a sunset bird in winter	67
The valley’s singing day	69
On a tree fallen across the road	71
A hillside thaw	73
Our singing strength	75
The need of being versed in country things	79
“WEST-RUNNING BROOK”	81
Spring pools	81
The freedom of the moon	83

Проходя незаметно	84
Кокон	86
Прибежище	88
У тихого океана	90
Соломенная крыша	92
Зимний рай	94
Паводок	96
Знакомство с ночью	98
Песчаные дюны	100
Солдат	102
Инвестиция	104
Отчий дом	106
Охапка	106
Всадники	108
Взглянув на созвездия	110

«НЕОГЛЯДНАЯ ДАЛЬ» 112

Во время ливня	112
Сердце не бьется	114
С рассудком в лад	114
Затерявшийся в небесах	118
Листья или цветы?	120
Ступая по листве	122
Сильные не говорят	124
Скорость	126
Лунный циркуль	126
Не вдаль и не вглубь	128
Ясно и холодно	130
Неубранный урожай	132
Суровые места	134

«ДЕРЕВО-СВИДЕТЕЛЬ» 136

Не слишком дружески	136
Бук	138
Войди!	140
Шелковый шатер	142
Ветер и дождь	144
Вот и всё	148
И песни птиц поновому звучат	150
Домой!.	152
Передышка	154
Вторжение	156

«ТАВОЛГА» 158

Важный шаг с легким сердцем	158
Юная березка	160
Письмо без марки в сельском почтовом ящике	162

«НА ВЫРУБКЕ» 166

Дорога	166
Уход	168
Навсегда	170

On going unnoticed	85
The cocoon	87
Acceptance	89
Once by the pacific	91
The thatch	93
A winter eden	95
The flood	97
Acquainted with the night	99
Sand dunes	101
A soldier	103
The investment	105
The birthplace	107
The armful	107
Riders	109
On looking up by chance at the constellations	111

“A FURTHER RANGE” 113

In time of cloudburst	113
On the heart's beginning	115
To cloud the mind	116
Lost in heaven	119
Leaves compared with flowers	121
A leafreader	123
The strong are saying nothing	125
The master speed	127
Moon compasses	127
Neither out far nor in deep	129
Clear and colder	131
Unharvested	133
There are roughly zones	135

“A WITNESS TREE” 137

Not quite social	137
Beech	139
Come in	141
The silken tent	143
The wind and the rain	145
The most of it	149
Never again would birds' song be the same	151
Willful homing	153
Time out	155
Trespass	157

“STEEPLE BUSH” 159

A serious step lightly taken	159
A young birch	161
An unstamped letter in our rural letter box	163

“IN THE CLEARING” 167

The middleness of the road	167
Away!	169
Closed for good	171

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ФРОСТ

сборник стихов

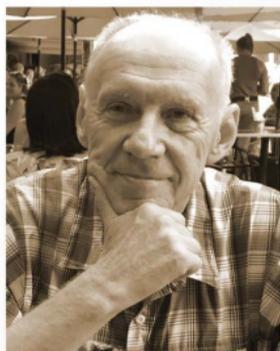
в переводах Александра Шика

(на английском и русском языках)

Дизайн, обложка Катерина Дегтярёва
Вёрстка Друкарский двор Олега Фёдорова
Формат 60 x 84 1/16. Тираж 200 экз. Зак. № 8806
Бумага 80 офсет. Усл. печ. стр. 10,23
Гарнитура «Helvetica».
Подписано к печати 07.04.2022 г.

Издатель Фёдоров О.Н.,
«Друкарский двор Олега Фёдорова»
Адрес: а/я 24, Киев-205, 04205, Украина,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свидетельство о внесении в Государственный
реестр издателей, изготовителей
и распространителей печатной продукции
серия ДК № 3668 от 14.01.2010 г.

Отпечатано в типографии ТОВ «7БЦ»
Адрес: 07400, Киевская обл., г. Бровары,
б-р Независимости, 2/148
Свидетельство о внесении в Государственный
реестр издателей, изготовителей
и распространителей печатной продукции
серия ДК № 5329 от 11.04.2017 г.



АЛЕКСАНДР ШИК

Доктор физико-математических наук, автор около 400 статей и нескольких книг по физике твердого тела и нанoeлектронике. Коренной петербуржец, более 30 лет работал в Физико-Техническом Институте им. А.Ф. Иоффе РАН. С 1998 года — профессор университета Торонто, а с 2019 года преподает физику, математику и химию школьникам старших классов.

Поэтическими переводами с английского занимается менее 10 лет. Среди переводимых авторов — Роберт Фрост, Редьярд Киплинг, Роберт Сервис, Уильям Йейтс, Огден Нэш, Арчибальд Лэмпман. Опубликовал книгу «Limericks/Лимерики» (изд. Парус, Торонто, 2013), печатался в журналах «Новый Свет», «Эмигрантская Лира», «Литературный Европейец», в сборниках «День русской зарубежной поэзии», «Связь времен». Лауреат премии им. Э. Хемингуэя (2017).

ISBN 978-617-8000-80-6



9 786178 000806